

A woman is sitting on a large, tufted leather chaise longue. She is wearing a dark fedora-style hat, a leopard print vest over a dark top, dark blue jeans, and dark loafers with gold-colored details. She is looking down and to her left. The background is a plain, light-colored wall.

Илья Либман

С Райкой

18+

Илья Либман
С Райкой

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Либман И.

С Райкой / И. Либман — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга описывает необыкновенную историю с путешествиями из Петербурга в США и обратно, от одной жены к другой и обратно. Главный герой книги, Малыш, человек с приглушенными обстоятельствами амбициями, авантюрист и теоретик небывалого, которое ему удастся совершить в реальной жизни, почти не моргнув глазом. Это вторая работа автора нашумевшей в свое время фантазии «Мелочи о Мелочи» и повести «Алиса». В оформлении обложки использована фотография автора.

© Либман И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

С Райкой	5
Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвертая	11
Глава пятая	12
Глава шестая	14
Глава седьмая	16
Глава восьмая	23
Глава девятая	28
Глава десятая	30
Глава одиннадцатая	34
Глава двенадцатая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

С Райкой

Часть первая

Глава первая

В свои студенческие годы Райка была излишне пытливой и ненасытной академически. Ей легко было с этим жить, потому что очень небольшое снаружи могло нарушить это ее желание.

Она была внучкой русских евреев из Киева, всегда богатых – и там и здесь.

Ее отец, однако, от семейного бизнеса торговли свежей рыбой был отстранен, потому что имел грехи перед женой, но на Райке это никак не отразилось. Она была любимой внучкой и наследницей приличного состояния.

Но обо всем этом Малыш узнал значительно позже, когда поселился в Филадельфии. А в начале он просто познакомился с ней, одинокой, не взятой после ужина на вечеринку, погожим июньским вечером.

Малыш тогда сидел на теплой гранитной глыбе напротив ресторана на воде под названием Кронберг и наблюдал за девушкой, крутящей в руках карту города. У него был свободный вечерок – на дачу не надо было ехать, и он решил познакомиться. Одним из способов знакомства с американцами был способ найденных денег: нужно было просто поднять у них из-под ног смятый рубль и невинно спросить, не их ли это деньги. Малышу было где-то даже стыдно пользоваться таким методом, но он отнимал меньше всего усилий.

Так он и поступил в тот раз: медленно подошел к ней и нагнулся, чтобы завязать толстый шнурок на чешской туфле, а встал уже во весь рост с протянутым рублем. Девушка, однако, денежку не взяла, а полезла в свой худой кошелек, чтобы пересчитать свою наличность. Рубль оказался не ее, но «она могла бы найти ему употребление, если малышу он тянет руку».

От одной этой фразы, произнесенной с легким латышским акцентом, малышу стало нестерпимо хорошо. Он готов был к приключению с этой, внешне никакой, девочкой.

Малыш подумал тогда, что должно быть переводные герои О» Генри заезжают и в их страну, и ему повезло встретиться с одной из них. Только позже он узнал, что такими летучими фразами оперируют ее бабушка и дедушка из Киева.

Малыш решил ответить так, чтобы не спугнуть и не насторожить ее. Он сказал, что если рубль и действительно не ее, то, по крайней мере, она была соучастницей его находки и может официально претендовать на любую его половину. Он говорил это серьезным голосом судейского секретаря из чеховского рассказа и был уверен, что такой ответ поймет не любой местный житель, но девочка засмеялась откровенно, не стесняясь своих безукоризненных зубов. Она все поняла с иронией во главе.

Это сразу дало ей право обратиться к Малышу на «ты», толкнуть его слегка в плечо и предположить, что все другие жадные американцы впились бы в этот рубль. Малышу ничего не надо было делать: девочка сказала, что ее зовут Райкой, что имя ее обозначает предбанник рая, но когда она получит свой PhD то станет большой Раей или большим раем.

Малыш тогда и сам не заметил, что они уже не стоят, а идут.

Они шли тенистой асфальтовой тропинкой вдоль забора зоопарка по направлению к кино-театру Великан. Случилось ли это само собой, или был в том Райкин план, и вся игра ее с вращением карты города была заманиловкой для Малыша или другого беспечного карасика, сказать сейчас трудно.

У Малыша не было никакого конкретного плана, как не бывает планов у птиц, мигрирующих по сезонно или рыб, плывущих вспять по мелководью против течения для нереста.

В те годы у Малыша в голове шел бесконечный процесс, похожий на варку стали или прокат бумажной ленты. Такие процессы не останавливаются, как правило. В них можно подбросить катализаторов, добавить дутья или увеличить кислотность пульпы, но технологически они безостановочны.

Райка взяла контроль над разговором в свои руки. Она рассказывала про американскую команду студентов, про то, что летние 6 недель, по ее мнению, вовсе не учеба, а отмывка каких-то шпионских башлей под крышей студенческого обмена, что она в России 4 раз – случайно получила подработку на лето – ехать с этой программой, что ей надо заканчивать ее диссер про русских писателей 20—30 годов.

Малыш шел рядом с ней, слушал и думал про доскональность и занудство – когда одно переходит в другое, и обратим ли этот процесс.

Райка неожиданно замолчала, как если бы услышала его мысли. Он не подал виду, что уловил это, а задумчиво спросил, знает ли она, кто жил вон в том доме, с булочной на первом этаже. Она сказала ему, что узнает об этом очень скоро – как только он ей это скажет и никогда не забудет. Малыш оценил ее рвение к знаниям и сказал: «В этом доме жил писатель Пильняк. Помнишь... кому таторы, а кому-ляторы?»

Райка встала, как вкопанная, и вдруг резко стала заваливаться куда-то назад.

К счастью там оказалась скамейка. Малыш уселся рядом, и противоречивые чувства посетили его. С одной стороны он был горд за себя, что, не метаясь, от бедра попал не только в яблочко, но и в Райкино сердце – наповал буквально.

А с другой стороны – он не хотел сложностей – а что, если она припадочная с пузырями. Но припадочной она не была, а просто взяла его за незастегнутую пуговицу мадрасовой марлевой рубашки и стала говорить, что это все не случайно, что он ей ниспослан кем-то и что Аннушка опять пролила масло. На последних словах пуговица была вырвана из рубашки с мясом.

Малыш сидел растроганный и не умел достойно ответить на такое кроме как сказать, что он будет рад быть ей полезен, чем сможет.

Райке такие слова понравились. Она положила пуговицу в нагрудный карман своей тонкой трикотажной блузки диковинного дизайна. Малыш проводил глазами свою пуговицу и только тут заметил, что на Райке нет лифчика, и на него в упор смотрят в два дула ее груди во всей очерченной красоте.

Райкино выражение благодарности на этом однако не закончилось – она обняла его с полным телесным контактом. В подобном объятии до этого он был всего один раз в своей жизни: во втором классе его так обняла молодая учительница, когда он все-таки нашелся на выставке достижений народного хозяйства в Москве.

К сожалению объятия родственников и жены в сравнение не шли.

Около зоологического сада они купили мороженого на общий рубль и как бы случайно дошли до магазина «Старая книга». Малыш не любил тот магазин: все продавщицы в нем были толстыми, подарков не принимали и нужных ему книг не оставляли.

Райка подала одной из них список книг, которых бы она хотела купить, и та ушла куда-то.

Малыш обратил Райкино внимание на толщину очков другой продавщицы. Он сказал, что через ее стекла можно увидеть людей, если смотреть на географическую карту. Райка шутке не обрадовалась, хотя та была американской.

Появилась продавщица со списком и стопкой книг. Райка заплатила какие-то деньги в кассу, а Малыш рассматривал что-то неинтересное в одной из книг про методику библиографии. Он надеялся, что у Райки запланировано что-то на вечер, и они смогут распрощаться до следующего раза. Но случилось все не так. Райка повела Малыша с книгами к себе в общежитие. Малыш был к такому не готов. Он знал, что все, кто там работают, связаны с ГБ, и его возьмут под контроль как только, так сразу. Он высказал свои опасения Райке. Она сказала,

что проведет его, как всех любовников проводят – через черный ход. Малышу было безумно интересно посмотреть, как они там живут и что делают. Для него это была почти что американская территория. И он пошел.

Через 15 минут Малыш сидел на подоконнике в женской комнате общежития и думал о том, как хорошо, что ему не надо...

На спинках всего сидячего и лежащего висело женское белье. В комнате было 6 кроватей, на двух из них спали девушки в бессознательных позах. Райка и не подумала их завуалировать, а сразу взялась за Малышову пуговицу, но рваная рана на рубашке была такой значительной, что без заплатки или штопки было бы не обойтись.

Малышу было жалко эту марлевую мадрасовую рубашечку, а то бы он просто выбросил ее и пришел домой в другой. Райка залезла в какой-то рюкзак и вытащила оттуда несколько рулончиков каких-то лент, которые при внимательном рассмотрении оказались маленькими заплатками в форме клубничек, грибков или цветков. Малыш выбрал ромашку, как самую бесцветную.

Глава вторая

Через эту ромашку все и началось. Когда Малыш пришел домой, то ничего подозрительного в его одежде найдено не было, но позже, во время стирки, Сверхкондиционная задала вопрос о ромашке-заплатке. Малыш знал, что ему с его счастьем и везением, лучше всего рассказать правду, какой бы небывалой она не звучала. Сверхкондиционная выслушала историю и, приняв его блеф за правду, блефанула в ответ, почему бы ему не пригласить Райку к ним в гости и не покормить домашней пищей, как в знак гостеприимства их народа.

Сверхкондиционная и в самом деле была гостеприимной всю ее жизнь. Иногда они с Малышом устраивали Дома открытых дверей и угощали людей значительно.

К счастью, подходил день встречи с Райкой. Они должны были встретиться, и Малыш обещал сводить ее к интересным людям. На встречу Райка пришла первой. В руках она держала прямоугольный пакет. У Малыше екнуло в груди: новая рубашка. Так это и было. Такие рубашки Малыш видел только в фильмах про ковбоев: с кокеткой, приталенная, и с перламутровыми пуговками-кнопками. Рубашка тянула по деньгам на половину месячной зарплаты.

Их свидание началось с Райкиного поцелуя. Малышу было здорово неловко от складывающейся ситуации. Он, тем не менее, повел ее к интересным людям.

Первым интересным человеком был Кеша, который никого не считал своими друзьями, а только – знакомыми. Интересен он был своими умениями шить, работать по дереву, петь красивым низким голосом, танцевать танцы восточных красавиц и печатать на старинном Ундервуде со звонком остроумные рифмы-экспромты. Кеша этот давно не работал, у него никогда не было денег, к нему Малыш да и другие всегда приходили со своей едой.

Малыш и Райка зашли в гастроном и купили продуктов значительное количество. Райка даже заволновалась, что их посещение может быть таким длительным, а ведь ей завтра утром нужно идти в класс. Но Малыш объяснил ей ситуацию, и они пришли к Кеше не с пустыми руками.

Кеша в то время увлекался шитьем мужских штанов по выкройкам, сделанным с японских военных журналов войны 1945 года. Он, конечно, их модифицировал на узкий современный лад, но крой был японского происхождения.

Кеша всегда был рад гостям или очень умело показывал такой вид. В те годы он был еще не женат, и сына, Катлеткина, у него тоже еще не было, как, разумеется, не было еще жены Ляли по имени Морда Борисовна, и не был он еще знаком с Машкой, дочерью Орестарха, который уже писал про подвиги разведчика. Не пел он еще с группой «Канарейки» и не родил от Пенегоновой дочки. Все это произошло значительно позже, но его знаменитое спальное ложе с вывеской «Не более трех лиц» никогда не пустовало.

Райке Кеша особенно не понравился, несмотря на свои рукописные чашки и нучаки. Она все время смотрела на Малыша и ждала, когда будет прилично встать и сказать, что ей уже пора идти. Между тем Малыш решал свои вопросы с Кешей и иногда посматривал на Райку. В конце концов они закончили сидеть у Кеши и пошли на автобус, чтобы ехать к Райкиному общежитию. По пути, как бы между прочим, он пригласил Райку к себе в гости на ближайшую субботу, но не домой, а на дачу, которую они снимали на берегу Финского залива. Райка сказала, что она бы с удовольствием пришла, если им не надо будет никуда ехать по учебе.

Глава третья

В субботу утром Малыш повстречал ее около общежития и повез в Сестрорецк, на дачу. Сверхкондиционная была готова к приезду гости. Когда Малыш и Райка вошли на веранду, кофе только начинал пахнуть свежим помолом, но тонкие гренки с несколькими сортами обсыпок уже лежали на недавнем приобретении малыша–гигантском блюде, на котором по замыслу нужно было подавать свиную или баранью голову.

Сверхкондиционная полу обнялась с Райкой, как после долгой разлуки и стала расспрашивать ее про дорогу, не утомила ли та ее. Малыш в тон ей, но глядя на Райку, заметил, что человека, прокуралесившего всю Европу на многих видах транспорта, а иногда и без, не может утомить утренний пробег электрички. Сверхкондиционной такой ответ не слишком понравился, но было время завтрака, а не семейного пикирования.

Райка послушно намазывала себе гренки клубничным и смородиновым вареньем и старалась держать рот занятым едой, а не разговором: она больше слушала. Малышев сын давно уже отзавтракал, но то и дело вбегал на веранду с докладом, что делают котят. Как-то после одного такого его набега, Райка встала из-за стола и сказала ему, что хотела тоже посмотреть на котят и их беспризорную самостоятельность. Малышев сын взял ее за руку и повел во двор.

Лицо сверхкондиционной сразу смягчилось.

После завтрака все они пошли в парк до той поры, пока солнце подогреет песок на пляже, а потом пошли на пляж.

Сверхкондиционная отдыхала безвылазно в то лето вторую неделю на даче, поэтому была худой, загорелой и выглядела не как мать вовсе. Райку ее внешний вид, должно быть, смутил: она не стала раздеваться, а только разулась. Сверхкондиционная, чтобы досадить Малышу и лишний раз показать свое всемогущее превосходство, пыталась убедить Райку, что немного солнца не сможет принести ущерба Райкиной коже.

В конце концов все развалились в удобных позах на шелковом парашюте, который использовался в семье Малыша вместо пляжного одеяла. Солнце стало припекать, и Малыш каким-то образом задремал. Он проснулся от звука пения. Пели Сверхкондиционная, Райка и Малышев сын песню про овечку, у которой не было хвоста. К их парашюту подходили посторонние детки послушать песню. Малышу все это выглядело так, что девушки спелись, и что поспал он не даром.

В маленькой тени под защитой оранжевого пластмассового ведра для пляжных игрушек сына стоял стеклянный кувшин с фруктовым питьем, по-хорошему разбавленный ликерным алкоголем. Малышеву сыну давали допивать такое, если оставалось, перед дневным сном.

Чтобы избавиться от сонливости Малыш искупался и теперь занимался со своим сыном на мелководье рытьем каких-то скоростных подземных дорог для неизвестных транспортных средств.

Райка сидела рядом на ведре и улыбалась.

Сверхкондиционная полулежала на парашюте и читала Французку Саган.

В 12:15 по полудню они начали собираться домой, потому что Малышеву сыну нужен был дневной сон после приема пищи. Райка увидела книгу Сверхкондиционной, и они заговорили на женские темы. Малыш понимал, что он оттеснен опять, но знал, что это к лучшему для всех. Он был занят своим сыном, которому резко захотелось в туалет с серьезными намерениями, так что Малыш усадил его на раму велосипеда и унесся в сторону цивилизованного туалета у них на даче.

Когда девушки переступили порог веранды, Малышу стало понятно, что Райка успешно вписывается в семейный портрет с интерьером: она обсуждала со Сверхкондиционной совместный поход в сауну в ближайшую среду с последующим заходом в валютный магазин.

Сверхкондиционная была довольна субботней компанией. Они быстро покормили Малышева сына, помыли его из садового шланга и уложили спать, а сами пошли во двор разговаривать на литературные темы. Сверхкондиционная была приличной читательницей всякой литературы, но любила далеко не всякие. Те, которые не любила, могла очень грамотно покритиковать. Именно так и случилось в тот раз. Она набросилась на американских женских писательниц Джоан Коллинз и Даниэл Стилл. Малыш сначала заволновался о нелояльности хозяев к госте, но в скорости увидел, что Райка довольна критикой.

Позже она сказала, что Коллинз и Стилл читают в очень определенных кругах, к сожалению *main stream*. Потом они поговорили на темы Райкиного диссера. Все были довольны.

Когда Малышев сын проснулся и опять поел, они отправились на какой-то местный футбол и планировали пойти поздно вечером послушать модную городскую группу, которая играла на местных плясках.

Райке было очень весело в их компании – больше ее рот не был занят едой во время разговоров. До танцев она, однако, оставаться не могла, потому что у них был какой-то обзорный класс в 9:30 вечера.

В восемь вечера она жарко распрощалась на вокзале с Сверхкондиционной и Малышевым сыном и уехала с Малышем в город. В поезде они опять много разговаривали на всякие темы. Райка заметила, что у Малыша очень неслабая жена и сын, и она рада была, что попала к ним в дом и будет очень счастливой в среду, когда они пойдут куда-то вместе.

Глава четвертая

Таким образом Райка стала популярной фигурой в хлебосольной семье Малыша тем летом. Она одаривала их, как могла и говорила про их гостеприимство, что если когда-нибудь им придется быть в штатах, то оплатит тем же – им мало не покажется.

Разговоры про заокеанство уже очень явно звучали в семье открытым текстом, когда Малышев сын спал.

Малыш слышал анекдот про евреев, как средство передвижения на Запад, но подумал, что брак с гражданкой другой страны дал бы и ему такую возможность.

В середине августа, когда он провожал Райку вечером, они остановились в каком-то кафе попить шампанского с мороженым. Райка говорила, что скоро они уезжают из страны, но в штаты она не едет, а будет учиться один семестр во Франции. Она знала про настроения в семье Малыша – двинуть в штаты жить и не была особенно удивлена, когда Малыш спросил ее, не захотела бы она им в этом помочь. Малыш знал, что она смотрит на него определенным образом и похоже, что была готова показать это на деле, не взирая на Сверхкондиционную. Так что разговор о помощи приняла воодушевленно.

Малыш монотонным голосом рассказал предполагаемый план действий. Когда она услышала, что они с Малышом должны будут пожениться до конца этого года, то лицо ее побледнело, а потом зарумянилось, как никогда прежде Малыш не видел.

Выпитая бутылка шампанского настроила обоих неожиданно на любовный лад. Райка сказала, что для Малыша и его семьи она сделает это, а как знак доброй воли. Они должны прямо сейчас отметить это решение – пойти и немедленно полюбоваться.

Малыш ждал любых условий, но не таких. Конечно, он не мог отказать ради большой цели из-за такой мелочи, но, технически, это было трудно исполнимо. Райка знала, как сложно в Питере с жильем. Все эти постоянные «иди-погуляй: у меня мальчик» в общежитии были частью их быта при отношениях с местными.

Она сказала, что прямо сейчас они поедут на такси в гостиницу «Спутник», где у нее есть номер и проведут время вместе.

Малыш и не думал дважды, а уже рассчитывался и оставлял щедрые чаевые, что было вовсе не его привычкой.

Около полуночи они лежали под мокрой простыней и спорили, кто первым должен идти в душ. Споры нарушались скрипом тормозов, проходящих прямо под окнами троллейбусов. К Малышеву удивлению Райка чувствовала себя раздетой совсем не скованно. Малыш нашел ее волосатость очень ретро и возбуждающей. Ему это напоминало его первые знакомства с изображениями женских тел в старых журналах и времена многозаходных мастурбаций.

Сверхкондиционной он позвонил раньше и предупредил, что приедет поздно и чтобы она не убирала кисель в холодильник потому что он может быть голоден. Райка при этом хохотала по-доброму в подушку.

В метро он сказал Райке, что если все получится, как он думает, то ей надо будет приехать первый раз в Питер во Нового Года и зарегистрироваться с ним, но он еще не знал тогда точно – возможно ли все это, потому что не обсуждал такого плана со Сверхкондиционной.

Райка заверила его, что за ним она приедет столько раз, сколько потребуется и куда угодно – хоть к черту в преисподню. Малыша от таких слов значительно повело, но виду он не подал, а просто попросил одинокого пассажира сфотографировать их с Райкой поцелуй на ее камеру со вспышкой.

Глава пятая

Через две недели, когда у Сверхкондиционной было особо упадническое настроение после уезда Райки из страны, Малыш завел разговор про возможный переезд Веселой семейки на запад. Сверхкондиционная сначала с небольшой охотой слушала очередной лепет-фантазию Малыша на знакомую тему, пока не услышала конкретного «нам надо развестись, и тебе жениться на штатнике и уехать с ним». Сверхкондиционная сказала, что она не желает быть первопроходкой в таком деле, но вот если, например, Малыш сделает такое, то почему и нет. После этого Сверхкондиционная притянула его к себе и раздела, как очень старшего но слабоумного сына.

Когда она уже засыпала, то слышала сквозь надвигающийся сон, что завтра они подадут на развод, а в ноябре он женится на Райке. Сон с нее, как рукой сдуло. Она повернулась к Малышу лицом и спросила: «А денег на все где ты возьмешь?»

– Денег даст Каймович».

Она засмеялась какой-то болотной тварью: «В это я верю: Федор такой странный – дал мне денег однажды за то, что я показала ему танец с бананом и сама же его съела. Непонятно только, какой танец ты ему покажешь.»

На утро после этого разговора у Малыша была большая натянутость в отношениях с Сверхкондиционной, и через пару дней они пошли подавать заявление на развод. По дороге домой они обсуждали, стоит ли держать это в секрете и решили, что не стоит, потому что версия для всех должна быть единой: Малыш повелся на штатницу, а Сверхкондиционная, конечно, же использует этот случай, чтобы наконец-то найти себе достойного партнера.

Федор, который должен был дать денег на все легальные и нелегальные издержки, понял все это довольно превратно: мол он дает Малышу денег за то, что Сверхкондиционная будет вроде как его собственностью. Малыш никогда не акцентировал, что станет и с кем после развода, но в полушутейном разговоре сказал, что Федору «не поднять» Сверхкондиционную в дополнение к его жене. Федор завелся на эту тему и кинул Малышу встречный план: «Пусть тебя это не волнует. Если ты мне ее отпишешь, то я тебе кроме обещанных денег еще и машину куплю.» Малыш сказал, что машина ему не нужна, а Сверхкондиционная будет вольной птицей, и он, Федор, может вставить себе передний зуб и волен пробовать свою харизму в полевых условиях.

Деньги он Малышу дал и сказал, чтобы тот не беспокоился за разведенную жену, если даже ему и удастся уехать за кордон.

Между тем развод был узаконен, и Малыш отправил депешу Райке, чтобы она приезжала для подачи заявы на брак и не забыла привезти все документы, которые у нее есть, с собой.

Первая часть операции, хотя и была до смешного простой, но все равно требовала денежного вливания, потому что принимать заявления на оформления браков с гражданами других государств было как-то не принято.

Райка приехала и нагло поселилась в гостинице Европа с окнами на филармонию. Она чувствовала себя погано, что не может персонально отдать привезенные подарки Малышеву сыну и Сверхкондиционной. Малыш все это доставил собственноручно.

В день подачи заявления Сверхкондиционная была лихорадочно весела прямо с утра, как от кодеина и сказала, что если у него ничего не получится с отъездом, то она не уверена, как они смогут залатать такую пробоину в их жизни – ей уже и сейчас полно народу звонит, и она не успевает записывать, кому и что она врет.

Но когда человеку нет еще и 30-ти лет, все в жизни воспринимается по-другому.

Благодаря приличным деньгам, заявление на оформление брака с Райкой у них принимал сам начальник ЗАГСа. Он принял все необходимые бумаги и заявление и сразу дал дату оформления брака, которая выпала на март следующего года.

Райка с малышом отметили это дело в ее номере, и ночным поездом Райка уехала в Париж через Хельсинки до лучших времен.

После этого события наступили трудные месяцы совместной со Сверхкондиционной жизни: Малыш и Сверхкондиционная никуда не ходили больше вместе, а когда, она принимала гостей, Малыша обычно не бывало дома. Она, правда, встречалась со многими на выходных самостоятельно, а Малыш с сыном делали свои мужские дела, как и раньше.

В марте Райка появилась в городе за день до сочетания. Никакого особого платья у нее не было. Она привела свидетеля, работника американского консульства, а Малыш привел своего приятеля. Их записали, но сказали, что все бумаги будут готовы только к сентябрю. Малыш и Райка об этом знали. Малышу нужно было заниматься оформлением документов для отъезда в заокеанство, но формально у него ничего пока еще и принять не могли, потому что не было еще брачного свидетельства. Он делал все, что мог. Например, получил массу справок и выписок, что к нему не имеют материальные или другие претензии масса организаций и частных лиц с подписями и печатями, но без дат. За все это было уплачено. Малыш от такого делопроизводства очень повзрослел.

Однажды, во время помывки в бане, разгоряченный Федор вдруг ему сказал, что все деньги, что он ему дает, должны быть возвращены. Малыш плеснул на него водичей из-под горячего крана и сказал, что они смогут обсудить эту позицию позже, в пыточной. Федор, как всегда, на это неистово заржал и ничего не ответил.

6 месяцев пробежали незаметно. Малышева семья научилась жить двойную жизнь и находила радость в дурачении любопытных. Его сын думал, что это форма игры взрослых и был горд, что и его впустили поиграть. Малыш в эти месяцы много читал о штатах и штатского. Его, конечно, сносило на художественную литературу, но и про страну он кое-что узнал. Помогли и операции с граммофонными записями. Ему приходилось встречаться с Федором только в рабочее время, но и этого было достаточно. Малыш придумывал различные истории, как он вытащит Федора без жены за границу, так что тот даже и не шелохнется и никаких бумаг и багажей оформлять будет не надо. Иногда он говорил, что Федьку спрячут в радиоактивном сырье, и пираты Мексиканского залива захватят судно, а он, Малыш, выкупит его некудышнюю жизнь на рынке рабов во Флориде в Майами.

Иногда он говорил ему, что устроит его вторым тренером национальной команды по бобслею, и во время тренировок под Денвером в штате Колорадо устроит специально для его освобождения снежный аваланч. Но никто не догадается, что все было устроено ради Федьки, потому что помимо него погибнет и потеряется много людей и домашних животных.

Федька на такое улыбался абсолютно счастливой улыбкой и говорил: «Ну ты и дурак». Для Малыша это было высшей мерой похвалы.

Другие приятели Малыша иногда приходили к нему домой в гости к нему. А иногда и не к нему. Сверхкондиционная сначала себя почувствовала очень хорошо от такого избытка внимания мужчин, но со временем ее интерес к ним спал и иногда в постели она дразнила Малыша рассказами то про одного, то про другого. Они превращали это в игру про измены и не спали по пол ночи.

На службе у Малыша толком никто ничего не знал, но женщины догадывались, что что-то произошло с его браком. Диспетчер Галка на пьянке с танцами под 8 Марта прижалась к нему, когда музыки уже не было и предложила ему сбежать прямо сейчас к ней домой. Там у нее был полный холодильник всего и две новые пластинки польского джаза. Малыш не сбежал.

Глава шестая

Наконец-то наступила нужная неделя марта. Райка приехала опять с мешками подарков и билетом на самолет для Малыша в одну сторону и без даты отправления.

Его случай был довольно редким, и еще толком никто не знал, как правильно тормозить отъезжающих или строить им немыслимые препоны.

Федор сказал, что может пойти в ОВИР с подписанным ходатайством от общественности, чтобы Малыша вышвырнули за границу, потому что от него вреда больше, чем от отряда в 200 сабель.

Они получили свидетельство в обещанный день, и машина закрутилась: на всех необходимых справках, заготовленных и подписанных заранее, появились даты. На прием в ОВИР Малыш пришел с Райкой, и никто не посмел остановить ее. Начальник ОВИРа медленно перебирал документы и ставил галочки в каком-то своем листе, потом сказал, что Малыш может назначать время для прохождения грузовой таможни сразу после получения документа на резервацию полета.

Малыш от избытка чувства или от недостатка ума сказал, что ему не нужно проходить грузовой таможни и что билет на самолет у него уже есть. Начальник ОВИРа без особой ненависти сказал ему, что в таком случае он его больше не будет задерживать. Райка ничего не поняла толком: все были с ней вежливы и не делали никаких всплесков в их сторону.

После ОВИРа они поехали на пару дней в Москву в американское посольство для получения въездной визы. Малыш не был особенно удивлен, когда среди посольских работников увидел Райкиного брачного свидетеля.

До отъезда оставалось несколько дней. Одним утром до ухода по делам Малыш увидел Сверхкондиционную в незнакомом халате до пят. Она стояла около окна и смотрела как утренние воробьи расклеивают вечернюю блевотину около лавки бабкома. В руках у нее был конверт с деньгами. По щекам ее ползли слезы. Убитым голосом она сказала, что судя по количеству денег она навряд ли увидит Малыша так скоро, как они планировали.

Малыш был раздосадован своей глупостью: всегда добрый помысел работает против себя: «Увидишь, увидишь» – пробурчал он механическим голосом и слизнул ее слезы: «Учи язык не только с Алиной. В жизни пригодится.»

Родственникам решили сказать, что он уезжает на работу по найму на полгода за длинным рублем.

Прощания с друзьями никакого не было.

Одним дождливым утром Малыш подхватил Райку в такси из гостиницы Московская, и они покатали в Пулково.

А через три часа они уже были в Хельсинки. Райка знала толк в переездах и путешествиях, и немудрено почему: к своим 27 годам она объездила практически весь мир, но этим не бравировала, а как бы между прочим могла вставить забавное замечание про зебриный кефир, который расхватывают до 10 утра в магазинах Иоганесбурга. Вот и в Хельсинки они остановились не в гостинице а в «Bed and Breakfast». Малышу она сказала, что это много удобнее и по деньгам и территориально. Видно было, что она останавливалась здесь и раньше: хозяйка места пришла к ним в комнату с поздравлением и бутылкой шампанского в ведерке со льдом, пожелала им счастья и спросила, не привезли ли они икры.

От шампанского им обоим захотелось секса. Малыш замечал, как росла Райкина активность по этой части. Что и говорить: они любили как и полагается молодоженам: без страха и упрека. Налюбившись до легкого гула в ушах у обоих, они пошли посидеть в коммунальную сауну.

Малыш думал, что «Кровать и завтрак» ограничено, только тем, как называется, но это оказалось вовсе не так – в сауне сидело еще несколько пар. Пахло какой-то степной травой и соком бессмертника. В потемках не сразу было понятно, что люди раздеты, как принято в банях. Малыш вспомнил рассказ одного банного деда из его детства, который служил матросом в Гельсингфорсе до революции: служба была тяжелой и только одна радость была у служивых – пойти в воскресенье в финскую баню. Финны ходили в баню семьями и совсем не стеснялись своей наготы, но по рассказу банного деда «матросики чухонки никогда не забежали».

Незаметно для Райки он мотнул головой по сторонам, но ничего интересно для себя не увидел. Вместе с полотенцами посетителям выдавались войлочные шапки, рукавицы и передники. В ведре около топки отмачивались несколько дубовых веников. Райка кивнула в их направлении вопросительно. Малыш почувствовал себя в родной стихии. Он уложил Райку на самую темную полку, чтобы не смущать ее сознание беззащитной наготой перед другими и стал парить, как когда-то своего сына – в треть удара. Потом окатил тепловатой водой и в шутку сказал: «Следующий». Следующих было несколько, но Райка сказала, что ей не очень хорошо, и им лучше идти: она явно не хотела, чтобы Малыш парил посторонних женщин.

Они умирали от голода после помывки и всего остального. Через дорогу от их места было кафе с бесконечным количеством печеностей. К тому же пахло крепким кофе и бульоном одновременно. Райка сказала, что в этом месте делают отличные беляши. Их-то они и съели целую дюжину.

Малыш проснулся глубокой ночью и думал о предстоящем перелете в штаты. Райка лежала рядом с боксерским загубником во рту. Она говорила ему в дневное время, чтобы он не боялся ее по ночам – загубник ей прописан дантистом от зубовного скрежета.

Глава седьмая

В час следующего дня они поднялись по трапу 2-х этажного самолета. Свободных мест было много. Райка сказала, что она не выпалась и с нетерпением ожидала взлета. Малыш крутил ручки персонального телевизора, встроенного в спинку кресла перед ним, но еще ничего не показывали. Когда двигатели загудели, пристегнутая Райка уже видела второй сон, а Малыш все еще озирался по сторонам – все-таки не каждый день он покидал Европу.

Через пару рядов впереди Малыш вычислил русскую семью из 4-х человек и бабушки. Когда отец семейства пошел в туалет, Малыш решил дать случаю их познакомиться. Мужчина переминался в очереди и смотрел в англо-русский словарь. Малыш достал точно такой же романовский из кармана и как заговорщик посмотрел на мужчину. Тот улыбнулся ему как хорошему знакомому и спросил:

«Каким методом вы пользуетесь для запоминания слов?»

Малыш умственно примерил несколько версий вранья и предложил такую:

«Я обычно читаю текст, и те слова, о значении которых догадываюсь, записываю, а потом проверяю и запоминаю, а незнакомые слова, к сожалению, ждут своей очереди быть догаданными.»

Мужчина, видно, был не готов к такому ответу на высоте 27000 футов над уровнем моря и спросил другое:

– Куда летим?

– В Филадельфию.

– А кто у вас в Филях?

Малыш не был снобом, но фамильярностей и хамства терпеть не мог с молодых ногтей: человек первый раз в жизни летит в Америку, но Филадельфия для него уже просто Филя. Малышу всегда претило, когда какая-нибудь беззубая бабка по-родительски называла Аллкой певицу Аллу Пугачеву. Ему Пугачева была никто – ему был важен момент уважения к личности. Понятное дело, что всякая такая фамильярность рождена предельной завистью. Малыш такого не любил и прохладно отвечал, что у его жены в городе семейный бизнес.

– Давно женаты?

– Вторую неделю, а вы?

Мужчина сразу сник и шмыгнул в туалет.

Через несколько часов полета Малыш обалдел от всех этих фильмов и сериалов, музыки и объявлений. Проснувшаяся Райка заказала ему двойной коньяк, но спать не дала, засунув свою руку ему под одеяло.

Когда они подлетали к Нью Йорку, Райка спросила малыша, как бы он хотел добираться до Филадельфии – самолетом, экспресс-автобусом или на рентованной машине. Он никогда не слышал от Сверхкондиционной ничего подобного. И вовсе не потому, что им не надо было в Филадельфию. Просто сам момент выбора был аннулирован. Все было решено без его вмешательства и пожелания.

Сверхкондиционная не делала умышленного зла, но первое и единственное право выбора всегда было только за ней.

Малыш поймал себя на мысли, что Райка терпеливо ждет от него ответа и сказал, что самолета ему хватило на сегодня, в автобусе будет пахнуть индустриальными моющими средствами все 2 часа и 45 минут, и поэтому рентованная машина – лучшее средство доставки их тел.

Они прошли через 2 различные таможенные очереди, но встретились около каруселей, на которых кружились чемоданы приехавших. Малышов чемоданец был небольшим по раз-

меру и был сделан из добротной свиной кожи. Он был весь обклеен переводными картинками, напутственным подарком Малышова сына.

У Райки было много багажа, но в конце концов они все выловили и выкатились на площадку, где их уже поджидала рентованная машина.

Райка непонятным Малышу путем определила по какому из лепестков-дорог им надо ехать, и они помчались. Малыш смотрел в окно. Все перед глазами у него кружилось. Они меняли полосы, кого-то подрезали, им даже сигналили вслед. У Райки на лице застыла улыбка камикадзе – она срослась с этой рентованной машиной. Где-то через час, когда они уже вышли на прямую скоростную дорогу, она сказала ему, что устала, и теперь его очередь рулить.

Малыш молчал от ужаса и стыда: он не водил машин, да и прав у него на это не было. Но сказать такое Райке он не мог: она и сама не дурочка и понимает, что он и кто он.

Они заехали в очередную зону отдыха, и Райка остановила машину вдали от других. Она сказала Малышу, чтобы он сел за руль и попробовал поделаться повороты. Малыш не решился задавать никаких вопросов, а делал, что ему говорили.

Через 20 минут они ехали дальше по направлению к Филадельфии.

Часам к 10 вечера они въехали в город.

Дом, в котором жила ее бабушка и дедушка выглядел Малышу гигантской дачей детского сада или пионерского лагеря.

Райка сказала, что они побудут здесь недолго – она только познакомит его с родней, они перекусят и поедут дальше.

Бабушка не выглядела бабушкой такой взрослой внучки. Она была высокой и стройной женщиной с копной рыжих волос, а дедушка не выглядел старше, чем Малышов отец.

Никто, конечно, не тискал Малыша в объятиях. Он объятий и не ожидал.

Бабушка вынесла блюдо с бутербродами и предложила им воды или пива.

Малыш еще никогда не пробовал хваленного американского пива, рекламу на которое видел в журналах. Он выбрал пиво.

Райка глянула на него прищуренным взглядом, а бабушка предложила выбор из нескольких сортов.

Малыш всегда выбирал второе по порядку перечисления, но этот раз ему не повезло: ему дали маленькую бутылочку Root beer.

Райка засмеялась, когда лицо Малыша перекосило после первого глотка. Оказалось, что это было вовсе не пиво общепринятого характера, а какая-то сладкая мерзость.

Малыш сказал себе, что нужно будет выучить все местные напитки, чтобы не попадать впросак и не отравить себя непредумышленно.

Бабушка расспрашивала Райку про полет, про ее планы, про ее здоровье и про деньги.

Райка называла бабушку наной, хотя ту звали Зельдой.

Малыш понял, что его появление в их семье не одобрено единогласно.

Потом снова появился дед, которого звали Нил. Он уселся за столом напротив Малыша, не брал себе никаких бутербродов с блюда, а пристально смотрел на Малыша – как тот жует.

Малыш ему улыбался улыбкой номер 3, которая значила: вы меня еще не знаете, но вы меня еще узнаете. Такие улыбки оставляют широкие возможности дальнейших взаимоотношений с людьми, которым улыбаешься.

У деда, однако, было каменное лицо. Вдруг неожиданно он спросил Малыша по-русски: «Что будешь делать завтра днем?»

Малыш не ожидал такой неучтивости в такое время суток, но с полным ртом отвечать не стал и сделал вид, что спрашивали вовсе не его и на неизвестном ему языке.

Райка вовсе не думала вставать на его защиту. Ей тоже было интересно, чем все это кончится.

Дед посмотрел на внуку и сказал ей по-английски, что ее lover boy невежлив. Райка сказала, что-то быстро и непонятно. Малыш к тому времени все прожевал и проглотил и с самым тяжелым русским акцентом сказал: «Ай дид нот игнор уор квесчн, бат ай хэд а фул моус оф фуд анд вас нот шур зэт май инглиш вил саунд кохерент то ю.»

Райка покраснела, потому что к тому времени уже знала характер Малыша и видела его на тропе войны.

Нил и Зелда посмотрели друг на друга и начали хохотать сразу громко, но вовсе не оскорбительно. Малыш подумал, что они неплохие люди, если умеют смеяться над кем-то открыто через полчаса после знакомства.

Бутерброды Малышу понравились, все они были с разными сортами копченых и вяленых рыб.

До города Малыш с Райкой добрались около полуночи. Райка позвонила в домофон, чтобы дать знать жиличке, что она идет и открыла дверь своим ключом. Малыш спросил ее на лестнице, разве они будут жить не вдвоем. Райка сказала расстроенным голосом, что ее жиличка не успела еще найти себе другого места и будет жить с ними еще неделю. Малыша, однако такое обстоятельство вовсе не смутило. Дверь им открыла женщина в ночной футболке с изображением спящей коровы по вертикали. Райка познакомила их. Женщину звали Хилари. Она была биологом, безработным доктором наук.

Вместо того чтобы идти спать, они втроем усадились на кухне пить чай. Малыш тогда подумал в первый раз, что третий англо-говорящий человек был бы в его жизни совсем не лишним: женщины говорили между собой о всяком. Малыш понимал примерно треть слов и ноль смысла.

На другой день Райка разбудила Малыша около восьми утра, и они поехали в какой-то офис делать ему документы.

Малыш стоял, восхищенный действиями Райки: она терпеливо объясняла в который раз обстоятельства его появления в таком возрасте в таком офисе. Они заполнили дюжину бумаг и прилично оба устали от бюрократии.

Потом Райка сказала, что ей надо показаться на кафедре в универе, сунула Малышу каких-то денег и бумажку с их адресом в руку и исчезла.

Апрель в Филадельфии был полу-летним месяцем. Малыш ходил около небоскребов и то и дело задирал голову. Иногда он считал этажи и, чтобы не сбиться со счета, указывал на этажи пальцем.

Таким своим поведением он привлек внимание к себе одного бездомного мужчины. Тот сидел около своей корзины на колесах, наполненной множеством пластмассовых мешков с чем-то.

Мужчина начал разговор с Малышом вопросом о времени. Понятия бездомности, пространства и времени были взаимосвязаны. Малыш в то время мало знал о бездомности и еще меньше о пространстве и времени. Он показал мужчине циферблат своих золотых часов – разбирайся, мол сам, но время бездомного уже так не интересовало – ему стал интересен сам хронометр.

Малыш, уверенный, что бездомный его не поймет, и положение того не лучше, чем ничейной собаки, обратился к нему по-русски. Он сказал ему, что излишняя беспечность в юные годы приводит к такому состоянию дел в дальнейшем курсе жизни: вот если бы он не пропускал уроки и к чему-нибудь стремился, то не оказался бы сейчас на улице. Бездомный слушал Малыша и на всякий случай отодвинулся от него подальше. Ему слышно было, что в Малышевой речи попадались агрессивные нотки. Малыш закончил свой монолог вопросом по-английски: «Are you married?» От такого вопроса бездомный сразу заспешил. Малыш ему вслед прокричал: «But I am»

Когда Малыш надышался апрельским воздухом, то решил идти домой пешком. Он знал, что это не должно быть так далеко – несколько автобусных остановок.

По дороге его посещали различные мысли о жизни: как и что он будет делать.

В самолете из Хельсинки он сказал Райке, что мог бы переводить русские народные сказки на английский. Райка согласилась и заметила, что для этого надо найти заинтересованное издательство – иначе это занятие не имело бы смысла. Малыш думал, что толку иметь издательство, если ему нечего будет там показывать. Он решил начать перевод чего-нибудь легкого сегодня же вечером. Еще он решил, что должен показать себя Райке не тормозом и обузой и поэтому завернул в магазин за чем-нибудь к обеду. К счастью магазин оказался небольшим, но вполне достаточным для покупки продуктов для обеда: 2 четвертинки курицы, манная крупа, несколько картофелин, морковок и луковица и салатные листья и горчица. Вина в магазине не продавали, а покупать неизвестное пиво он не рисковал.

В квартире была одна Хилари. Она стояла у открытого кухонного окна и курила.

Малыш без расспросов пооткрывал дверцы кухонных шкафчиков и обнаружил за ними разнокалиберные кастрюли в прекрасном состоянии. Он выбрал одну из них для супа.

Хилари спросила его, что он собирается делать с такой большой кастрюлей. Он сказал, что будет готовить фарина-суп с овощами. Она посмотрела на него и покачала головой. Малыш тем временем уже ободрал куриные тушки от пупырчатой кожи. Среди прочего в шкафчиках он нашел непечатые бутылочки со специями и початую бутылку красного вина.

Хилари закурила свою сигарету, но из кухни уходить не спешила. Она следила за действиями Малыша, как следят за руками хозяина голодные животные. Малыш это понял и прибавил немного игры к подготовке пищи.

Когда бульон был заправлен всем необходимым, он налил себе в чашку красного вина и отпил пару глотков.

Салатницы среди посуды не оказалось, но был какой-то зеленоватая пластмассовая миска. Возможно, что и для отточки ногтей для маникюра.

Белое мясо из бульона было пущено в зеленый салат, заправленный горчичным дрессингом.

Хилари закурила очередную сигарету, но выдыхала дым прямо в кухне.

Позвонил телефон. Хилари сняла трубку и через пару слов начала хохотать и давиться собственным дымом. Малыш подумал, что она похожа на извержение вулкана.

Звонила Райка. Она хотела поговорить с Малышом. Малыш рассказал про время проведенное среди небоскребов и поверхностное знакомство с бездомным. Райка в телефоне, похоже было, что смеялась тоже. В конце концов она сказала, что будет дома скоро.

Малыш отмерил шесть мер предстоящего фарина-супа и залил в них четыре меры фарины. Жареный лук придал супу жизнерадостную окраску.

Райка пришла не с пустыми руками, но все уже было на столе готово к употреблению.

Мыльшу пришлось подавать пример – он взялся за ложку первым.

Через 40 минут все шесть мер фарины-супа были съедены как и миска зеленого салата.

Наконец-то Хилари почувствовала себя немного лишней и сказала, чтобы мытье посуды оставили для нее.

Когда Малыш с Райкой остались вдвоем на кухне, она сказала ему, что все было очень вкусным, но он делать такого не должен, потому что это не помогает ей, а, наоборот, напрягает ее, что даже и на «чужом» поле он замечательный хозяин, а у нее не будет времени заниматься обедами, и такой обед выглядит ей упрёком, и она только сильнее привяжется к нему.

Малыш сразу ничего не понял, потому что она от волнения составляла предложения на странный манер. Но потом понял и пообещал, что больше так не будет.

Они поговорили про ее день в универе. Какая-то инструкторша с кафедры ушла рожать, и Райке предложили полную позицию как минимум на 6 месяцев. Малыш слушал ее и думал,

что она наверняка возьмет эту позицию, чтобы не заниматься своим диссером, а быть большую часть времени с ним. К тому же это приличные деньги и летом частично оплаченные каникулы. Как раз в этом месте своих размышлений он и услышал ее вопрос: «Ну так что ты думаешь?»

Малыш сказал, что от работы никогда нельзя отказываться, а особенно от такой, что диссер она допишет и защитит в ноябре.

Потом Райка сказала, что звонил дед Нил и спрашивал, когда Малыш хочет приехать, посмотреть на дедово хозяйство.

Малыш не был уверен, знают ли родственники об условиях их с Райкой брака – скорее всего, что нет. Поэтому они будут стараться помочь ему вписаться в новую жизнь и быть не только любимым для их внучки, но и кем-то полезным по мере его сил и возможностей. Он подумал, что сейчас как раз правильный момент поговорить с Райкой об этом. Хорошим обстоятельством было, что он сготовил обед.

Мысль обо всем этом пронеслась, как карточная комбинация в его голове, и он повторил эхом за ней: «Ну а ты как думаешь?»

– Я не говорила никому про наши обстоятельства и не хотела бы говорить. Поэтому, думаю, что нужно будет поехать и показать интерес к бизнесу. Я понимаю, что ты не хочешь себя завязывать никакими другими обязательствами, а мой дед непременно предложит тебе делать что-нибудь для компании.

– Этого я и боюсь, что предложит. Я не смогу отказаться и через 10 недель буду частью рабочего организма. Я не боюсь работы, но это было бы не совсем то, что я бы хотел делать в новом месте. Если бы мне сказали, что одним из условий переезда будет работа в определенном месте, я бы не поехал. Потому что в первую очередь я ехал за свободой выбора. Я понимаю, что захоти сейчас получить работу, то не нашел бы ничего самостоятельно в первую очередь потому что у меня нет достаточно языка, чтобы делать не механические туповатые операции. Возможно, что достаточно языка у меня не будет никогда, чтобы заниматься именно тем, чем бы я хотел.

– А чем бы ты хотел?

– Я бы хотел попробовать писать. Точнее я бы пошел на какие-нибудь писательские или сценаристские курсы. Научить писать человека невозможно, но показать способы и приемы необходимо. Я думаю, что к деду поехать нужно, и чем скорее, тем быстрее. Если я придумал, как не попасть служить в Красную Армию, то как открутиться от дедовых предложений и давным-давно придумаю.

– Чем скорее, тем быстрее – разве так можно говорить?

– Конечно можно: дис из а фри контри.

Это была дежурная фраза русского популярного комедианта в штатах. Райка рассказывала про него в один из своих заездов. Комедианта звали Яков Шмирнофф.

Разговор о жизни однако на этом не закончился, а просто переместился из кухни в спальню. Малыш было уселся в маленькое креслице напротив кровати, но не тут то было: Райка решила не терять напрасно минут и начала раздеваться. Малыш подумал, что это хороший знак, потому что времени было до восьми вечера. Еще он подумал, что может так незаметно здесь войти в роль счастливого мужа, что и действительно им станет.

Вчера в самолете он поймал себя на мысли, что занятие любовью с одним человеком так отличается от другого: с одними это бывает медленно, как полонез или болеро. Нужно перепробовать все позиции и поддержки и не дай бог не в той очередности. К финалу ты можешь прийти счастливым, если ничего не забыл и крутился через нужное плечо.

А с другими бывает как рвота, которой не удержать. Тебя и партнера переполняет и рвет в клочья, но от желания. Вы сливаетесь в один организм, держите друг друга и извергаетесь. После припадка проходит сколько-то минут, и вы оба чувствуете, что новый порыв не обманчив и извергаетесь опять.

Лавмейкинг с Райкой был похож на процесс целительной рвоты. Она чувствовала себя все уверенней и безошибочно достигала, чего хотела в считанные минуты. Для нее это был более физиологический акт, чем эмоциональный: по достижении оргазма она вставала с постели и шла заниматься чем-нибудь посторонним. Малыша это немного смущало – от него не требовалось нежности. Но с другой стороны это было неплохо, если ее качество близости с ним случилось на таком уровне. Малыш боялся показывать Райке что-либо новое или другое, чтобы не ставить их обоих в неизвестное положение. Ей было отлично и так. Иногда она бывала так накручена, что успевала все завершить несколько раз и полу шутила: «Что ты там копаешься?». Но такое стало происходить позже.

Райка чистила только зубы и не заботилась ни о чем другом. Вот и в тот раз она пришла со своими университетскими запахами.

Они лежали под махровым халатом на спинах и говорили про завтрашний день.

У нее были дела в универе утром, но потом они могли бы поехать смотреть хваленый Славинский рыбо бизнес. Малыш был согласен на все варианты. Райка говорила ему, чтобы он завтра особенно не помалкивал, а выражал себя как мог.

После этого она встала с постели и стала читать какие-то методические инструкции. Но Малыш не чувствовал себя заброшенным и нелюбимым. Он подумал, что может быть Америка и есть такая продвинутая страна потому, что времени никто здесь не теряет даже на ласки и объемы после дневного секса.

Он дотянулся до книжной полки и вытащил оттуда красочный и тяжеленный том русских народных сказок. Таким томом в его прошедшей жизни непременно придавливали бы квашенную капусту в эмалированном ведре на балконе. От такой мысли кисло ему, однако, не стало.

В комнате их было слишком тепло, но вентиль на батарее отопления был сломан. Приоткрытое окно не слишком помогало с притоком свежего воздуха. Райка сидела как в предбаннике, одетая только в очки. Малыш решил ее пока не отвлекать, а заняться переводом. Он выбрал произведение «Мальчик с пальчик» и перечитал его несколько раз. В голове Малыша замигали лампочками улыбочки от предстоящей истории. Он записал ее на двух листах маминим каллиграфическим почерком и тронул Райку за плечо. Она посмотрела на него довольно отстраненно, несмотря на его наготу и спросила: «Что это – письмо на Родину?»

Малыш пропустил ее ерность мимо ушей, но зарубку все равно сделал.

Райка поняла, что сказала все не так и теперь искупала свою вину – читала вслух и с выражением. Малыш был озадачен – она совсем не смеялась, а ведь должно было быть смешно. Она отложила листки в сторону и поправила очки, как Валерка из Неуловимых: «У тебя получился русский вариант Rocky Рассоон. Выписывай сюда Тихомирова для озвучивания.»

– Это еще не законченный продукт. Это еще перевести надо на язык Шекспира.

Она ничего не сказала, только пожала плечами.

Малыш духом и не собирался падать. Он взял несколько чистых листов и влез в халат. Особого опыта писать по-английски у него не было. Когда-то он писал песни, но англоговорящие люди тех песен никогда не слыхали. Поэтому трудно было судить о качестве когда-то написанного. Тем не менее он сел на подоконник и написал. Как и в первый раз Малыш подошел к Райке и протянул ей листы.

Она хотела было возразить, что уже знакома с материалом, но, к счастью, увидела, что в этот раз написано было на другом языке, чем раньше, и начала читать.

Глядя на ее реакцию, Малыш подумал, что теперь-то, наконец, сработало: Райка очень сильно засмеялась с самых первых аккордов. Она придерживала очки обеими руками и буквально содрогалась.

Малыш не думал, что будет так смешно с самого начала. Он побаивался, что у нее просто не хватит жизненных сил дочитать до конца. Но Райка и не стала дочитывать. Видно инстинкт

самосохранения подсказал ей отбросить эти листы подальше от себя, а самой двигаться в противоположную сторону.

Тут Малыш понял, что что-то тут не так. Он понимал про себя, что талантлив, но никогда не думал, что настолько. Малыш было подумал, что людям юмор более доступен на родном языке, но быстро отложил эту истину в сторону – тут было иное.

Райка тем временем доковыляла до кровати и рухнула на нее как подкошенная. Она ничего не говорила Малышу, а просто смотрела на него и хохотала. Когда смех ее перешел в разумную зону веселости, Малыш решил остановить его необычным способом: он лег рядом с ней на кровать, положил свою руку на ее грудь и наблюдал некоторое время, как все это вместе колыхнется. Райку рука успокоила, и ей сразу захотелось другого.

Через пол-часа она сидела за столом и правила Малышов текст. Иногда ее взрывало неожиданным залпиком смеха, но она справлялась и работала быстро.

К 10 часам вечера рассказ был переписан. Малыш читал его и многое не узнавал в упор. Мало того, теперь он не только не улавливал его смысл, но и смешного не чувствовал совсем.

Райка увидела все это на его расстроенном лице и спокойно объяснила, что выбранная им сказка неудачна, потому что детские издательства ее скорее всего не возьмут: в сказке описывается явное членовредительство, которое подрастающим поколением может быть воспринято буквально, и начнется повальная рубка пальцев с целью обретения маленького друга. Малыш не мог поверить своим ушам, и, если бы не полная уверенность, что Райка хочет ему только добра, он бы подумал, что это говорит ее зависть к его предстоящему успеху. Да, да – иногда Малыш видел себя на коне, коровьей масти, как на пьедестале славы. Но в тот день он Райку выслушал и спокойно ей сказал, мол не будет ли это правильным и честным для них обоих не останавливаться на этой точке и спорить о шкуре не убитого ракуна, а обратиться в места, где их совместное творчество будет оценено профессионалами со всеми исходящими отсюда последствиями.

Райка поняла по непривычной напыщенности его речи, что Малыш очень сердит. Не на нее и не на себя, а сердит на все. Она достала телефонную книжку из своего многострадального ранца и долго в ней копалась. Малышу нечего было больше сказать по сути, а просто так колыхать воздух он тогда еще не любил, и он пошел в душ. Вернувшись в комнату с мокрой головой через четверть часа, он увидел Райку все в той же форме одежды, развалившейся, как поздняя пикассовская модель, со всей вывернутой красотой наружу и болтающей по телефону. В голове его мелькнула мысль, что он, сексуально активный и женатый долгие годы человек, еще никогда не сталкивался с таким зрелищем в своей жизни и что женщин называют загадочными существами не случайно.

Райка помахала ему рукой, как если бы они давно не виделись, или она не хотела остаться не замеченной, и продолжала свой разговор. Перед ней лежал листок бумаги с дюжиной записанных на нем телефонов. Малыш все сразу понял и оценил. Разница со Сверхкондиционной была очевидна: та хоть и скакала быстро, но запрягала безумно медленно и болезненно.

– Завтра мы поедем к деду. Пока он будет тебя обольщать и знакомить, я найду свободный телефон и буду пытаться сосватать тебя в издательства. Все издательства, куда я собираюсь позвонить, расположены в Нью Йорке, так что возможно, что нам придется туда и поехать.

– Так быстро? Может быть стоит перевести еще чего-нибудь типа про сестрицу Аленушку и братца Иванушку или про Огневушку-потаскушку?

Райка притянула малыша на себя и заткнула ему рот ненасытным поцелуем.

Глава восьмая

На следующий день машина заехала за ними утром. Семейный бизнес представлял из себя гигантские склады-холодильники с различными температурными режимами. Кроме холодильников были коптильни и другие цеха, где все ходили в белых халатах, шапочках и намордниках. Малыш сразу подумал, что это прекрасное место для преступлений – все как на одно лицо. От запаха рыбы в голову пришла удачная мысль, как «закосить» от такой работы, но с рвотными спазмами он не спешил. Наоборот, Малыш проявлял если и не бурный, то и не дежурный интерес к процессам и аппаратам.

Нил водил Малыша из цеха в цех, знакомил с кем-то. Малыш сначала вел себя нормально, но со временем устал от всех этих пожатий незнакомых рук и стандартного вопроса «Как тебе нравится Америка».

Кроме цехов и холодильников в бизнес входили и средства доставки: количество грузовиков было больше тридцати.

Часа через три Нил привел Малыша к себе в офис и велел принести им кофе и сэндвичей. Малыш ругал себя в сердцах: он забыл про позывы к рвоте во время хождения, а теперь уже было поздно.

Нил без всяких преамбул спросил его, где бы он себя видел наиболее полезным в семейном бизнесе. Малыш вспомнил ненаписанное ходатайство в ОВИР и про вред больше, чем от отряда в 200 сабель, и сказал, что он мог бы заниматься логистикой перевозок, потому что в офисе не так воняет рыбой. Малыш говорил и ловил себя на мысли, что его акцент похож скорее на французский, чем на восточно-европейский и что Нил каким-то образом его понимает. Нилу понравился его ответ, и он спросил, не приходилось ли ему делать что-нибудь подобное раньше. Малыш со счастливой улыбкой отвечал, что никогда не приходилось, но он всегда об этом мечтал. Нила такой ответ не слишком удовлетворил, и он попросил более подробных объяснений. Малыш не ожидал такой назойливости и сказал, что однажды он видел фильм про авиадиспетчеров в большом аэропорту – как они сажают самолеты и не дают им столкнуться друг с другом. Нил закатил глаза. Малыш понял, что он достигает нужного результата и добавил, что авиа диспетчерам платят уйму денег. В это время Райка вошла в офис и по лицам мужчин поняла, что пришла вовремя. Нил встал со своего места и сказал, что ему пора идти по делам и что они обо всем договорились. Малыш чувствовал себя обессиленным от этого разговора, и Райкин приход был для него соломинкой спасения. Райка поправила на дедовой голове седой чуб и чмокнула его в щеку. Малыш углядел в ее руке все тот же листок с телефонами. Теперь на нем были и другие пометки. Сердце его дрогнуло.

Как бы между прочим Нил сказал, что едет на рыбный маркет в Нью Йорк и мог бы их подбросить по дороге, куда им надо. В машине все молчали. Каждый о своем.

Как только Малыш переступил порог квартиры, так сразу спросил про звонки в издательства. Райка сделала взгляд страстной коровы с раздувающимися ноздрями и сказала, что она ему все расскажет, но немного позже.

Малыш, одетый до пояса сверху стоял перед кухонной плитой и готовил соус к варившейся пасте. Он еще не придумал, сделать ли его мясным или нет, потому что голова его была занята размышлениями о предстоящих интервью в издательствах. Райка печатала рассказ на электрическом тайпрайтере величиной с поваренную книгу «О вкусной и здоровой пище». Печатала она быстрее всех виданных и слыханных малышом секретарш и машинисток вместе взятых.

– Ты могла бы подрабатывать машинисткой, если бы захотела.

– Я и подрабатывала, когда была студенткой и не могла делать ничего другого.

– За такую скорость тебя бы в России показывали в цирке Шапито, а в 30-е годы выдали бы медаль «За трудовые заслуги» за скоростные вынесения приговоров.

Малыш иногда ерничал и сам, когда чье-то явное превосходство мозолило ему глаза так откровенно.

– Это побочная часть моей профессии: если бы я не умела печатать, то как еще коммуницировать свои знания другим. Нам надо зайти в какой-нибудь магазин мужской одежды и купить тебе пару брюк и другого: ты не можешь ходить на интервью в джинсах.

Малыш к этой минуте решил, какой соус он будет делать, и открыл баночку с консервированным канком. Райка тем временем закончила печатную работу и протянула Малышу несколько листов: «Просто на случай, если кто-нибудь решит на это посмотреть, печатное слово должно выглядеть внушительней. Уже вкусно пахнет изо всех сил – давай поедем побыстрее и еще успеем в магазин.»

Следующим утром они приехали на поезде на Пенстейшн в Нью Йорке около 10 часов утра и пошли пешком до 5 Авеню. Райка инструктировала Малыша, как себя правильно вести в агентствах – не молчать, не стесняться своего акцента и не бояться делать ошибок.

Первым местом было издательство Simon and Shuster. Они вместе поднялись на нужный этаж и, пока шли по коридору, Райка поздоровалась с несколькими людьми. Малыша это очень впечатлило. В секретарской ему сказали подождать, потому что редактор сейчас был занят с кем-то. Райка не сидела рядом с ним, а читала на стене какие-то биллютени внутреннего значения.

Когда Малыш вошел в офис, навстречу ему двинулась какая-то гора одетая в яркие хламиды одежд. Малыш не подал виду, что он напуган, а тоже вытянул руку загодя. Они встретились где-то по середине большой комнаты, и редактор по имени Сюзен стала его хвалить за решительность. Малыш потянулся было в свое новенькое кожаное портфолио, чтобы достать листы с переводом, но Сюзен остановила его жестом и попросила рассказать в 2-х словах, о чем история. Малыш было вскипел внутри – бери листы и сама читай, но быстро опомнился: Сюзен хотела послушать – как он говорит по-английски.

Малыш вспомнил вчерашний разговор с Нилом и подумал, что он не обязан ей описывать всех тонкостей истории, а просто расскажет ключевые моменты, как в программке к операм.

Сюзен слушала его внимательно, как доктор. Потом спросила, уверен ли он, что сказка русская, а не немецкая, потому что немцы – мастера квашеной капусты.

Малыш в те годы еще не знал много о разговорах с потенциальными работодателями, поэтому и решил блеснуть своими знаниями старины, сказав, что в допетровской Руси единственной едой простолюдыя были капуста и горох.

Сюзен только улыбнулась в ответ и спросила, есть ли у него другие переводы. Малыш отвечал, что пока нет, но если надо будет, то они появятся довольно быстро: в голове он уже прокрутил вариант совместного творчества с Райкой, они бы могли перевести и не только сказки.

Сюзен встала со своего места и снова засветилась улыбкой. Она сказала, что они рассмотрят его работу и дадут ему знать.

В лобби Малыш увидел Райку, разговаривающую с мужчиной в толстых очках. Она представила Малыша ему, назвав не только имя, но и семейное положение. Малыш сразу врубился, что это один из бывших Райкиных соискателей и пожал ему руку до легкого хруста, а потом, неожиданно для самого себя, назвал ее Рейч. Так все звали ее в миру. Мужчина отметил боль в руке подергиванием щеки и сразу куда-то заторопился.

Они вышли из издательства, и Райка спросила его, как было дело. Она предполагала, что потраченных 1—2 дня дадут Малышу правильную картину о его потенциальных возможностях в плане переводов сказок, и он займется чем-нибудь другим, более реальным. Ему она этого не говорила, потому что знала, что отказы лучше всего получать из первоисточников,

да и сама вовсе не хотела быть визирем плохого. Малыш, как бы невзначай, спросил ее про мужчину, какая между ними была связь. Она сказала, что в одной из поездок в Москву он был директором их Русской программы, наверняка связан с ЦРУ. Малыш слегка напугался, вспомнив свое рукопожатие.

Следующей точкой было неизвестное Малышу издательство под названием Баллантайн букс. Малыш знал только про Баллантайн пиво и удивился сначала, но потом подумал, что если существуют Столичные водка и конфеты, то почему не быть пиву и книгам под одним названием.

Редактором по переводам с восточно-европейских языков оказалась маленькая смуглая женщина, одетая в сари, с красной меткой на лбу. Малыш не был этому особенно обрадован после того, как она начала тараторить по-русски, как базарная бабка с Владимирского рынка. Она, со своей стороны, была очень обрадована Малышу, но не потому, что он принес что-то, а потому, что он вынужден был слушать ее бредни. Оказалось, что она закончила универ имени П. Лумумбы в Москве. Училась она там довольно долго, потому что «политический» климат был нехорош для ее возвращения. Потом она все-таки уехала в Индию, но не надолго.

Малыш терпеливо выслушал все ее злоключения и подумал, что это даже лучше, что они не говорят о нем. Впрочем под занавес она быстро прочитала его сказочный перевод и сразу же отказала. Причины отказа были вескими и непонятными на первый взгляд, но позже, когда Малыш ел свой бергер в Райкиной компании, он все более или менее осознал, благодаря Райкиным объяснениям.

По мнению индийской дамы и Зигги Фрейда сказка изначально не предназначена для детей, потому что лейтмотивом в ней было сублиминальное чувство вины: отрубленный во время шинковки капусты палец – не что иное, как наказание пожилой женщины за использование пальца, как инструмента для мастурбации при сексуально пассивном партнере. Палец олицетворял фаллическое начало, мог самостоятельно от тела жить и добывать пропитание для угасающих старика и старухи. Райка сделала все эти пояснения. Малыш слушал, но на ус не слишком наматывалось. В то время он еще не был к готов ко многим объяснениям и толкованиям. Несмотря на отказ настроение его было нормальным-готовым к следующей встрече.

Они должны были пойти еще в одно место, находившееся на знаменитой 42 улице. Райка сказала ему, что он выглядит молодцом и может спокойно дойти вон до того дома, а она тем временем посидит вот в этой публичной библиотеке, и она указала на гигантское здание в парке. Они договорились о времени встречи, заметив в один голос, что место встречи изменить нельзя. Малыш дернул себя за внутренние волосы – он не должен поддаваться иллюзиям и очарованию такими гигантскими шагами.

Очередная контора была непохожа на литературное агенство совсем. В коридоре пахло застоявшимся дымом и мужским одеколоном экзотического происхождения. На дверях висели бронзовые номера с последующими буквами. Коридор был похож на фрагмент из произведений Кафки.

Малыш вступил в помещение секретарской, сказал дежурную фразу приветствия и назвал свою фамилию. Секретарша посмотрела на него поверх узеньких очков и предложила ему присесть.

Стулья были скорее дубовыми полукреслами шире стандартных габаритов и тоже с бронзовыми номерами на спинках.

Малыш выбрал себе одно с цифрой 4В – в детские годы он числился недоумком и учился в 4В классе.

Секретарша отложила в пепельницу длинную темную сигарету и спросила малыша, идет ли на улице дождь. Он отвечал уверенно, что дождь идет, хотя вовсе не был в этом уверен. Просто он обычно ставил себя на место спрашивающего и хотел бы получить оптимально-кон-

сервативный ответ: если дождь уже не идет, то всегда можно сложить зонтик. А что, если идет, и ты без зонта?

Секретарша улыбнулась ему и сказала, что из ее окна не видно пешеходов – с зонтами они или нет, а небо выглядит обманчиво голубым. Малыш решил смягчить краски –и согласился полууверенно: «Может и прошел уже, если небо голубое.»

В это время раздался звук серены, какие случаются в фильмах про аварийные обстоятельства на производствах чего-нибудь смертоносного. Это был сигнал редактора секретарше.

Секретарша предложила Малышу пройти в кабинет редактора.

В кабинете пахло холодным металлом. Малыш помнил этот запах с незапамятных времен. Иногда так пахнут письменные столы, сделанные из металла. Так случилось и в тот день.

За столом сидел мужчина в пиджаке и свитере под ним. Он поманил Малыша к столу, и, не вставая со стула, протянул ему руку. Малыш подумал, что пожал не руку, а корень теплого дерева. Мужчина заговорил по-русски.

– Так говорите, что вы переводчик?

– Могу переводить художественную литературу – неожиданно для себя сказал Малыш.

– А не художественную?

– Что вы имеете в виду – статьи из журналов?

– Нет, инструкции к употреблению и по сборке и технические условия.

– Про инструкции ничего сказать не могу, потому что никогда не пробовал такое переводить. У меня с собой есть только перевод сказки.

Мужчина впился в Малыша взглядом, как колючая проволока: «Покажите».

Пока он читал, Малыш его высчитал таким образом: какой-нибудь невозвращенец или угонщик военных истребителей – подводных лодок с никаким английским, потому что он сам русский. Занимается только техническими делами, если не военными.

Тем временем мужчина закончил читать и с недоверием спросил: «Это вы сами?»

Малыш утвердительно пожал плечами и собрался было уходить, но мужчина остановил его жестом собачьей команды «сидеть.»

– Хороший перевод. Инструкции и технические условия много проще и легче. Нужен обыкновенный командный язык, у вас, наверняка, получится. Мы платим не очень много, потому что государственные тарифы, но зато работы много. Скажите мисс Луцки, моей секретарше, что вы мне подходите. Она вам даст контрольный текст. Принесите его до конца недели. В следующий раз получите работу на пол месяца. Приятно было познакомиться. Меня зовут Яхонт.

Мисс Луцки выдала Малышу листы контрольного текста и попросила его расписаться в какой-то ведомости напротив его фамилии.

Малыш почувствовал себя нужным этим людям и от этого хорошо. Он предложил мисс Луцки перевод сказки. Она сказала, что читала ее в детстве в оригинале.

На пути из секретарской он столкнулся с почтальоном, с которого вода текла ручьями.

Они встретились с Райкой в положенном месте и короткими перебежками добрались до автовокзала. Экспрессы в Филадельфию ходили каждый час.

Уже сидя в автобусе, Райка спросила Малыша про интервью. Он рассказал про стулья с номерами и теплую руку-корень, потом показал контрольный текст для перевода. Райка никак не комментировала его рассказ, сказала, что об этом стоит подумать.

Как только автобус тронулся, она задремала на его плече. Малышу спать не хотелось. Он включил потолочную лампочку для чтения и стал читать контрольный текст. Им оказалась инструкция по разборке для чистки и ухода автомат-пулемета пехотного образца.

Малыш, как и все мужчины его поколения, если не любил напрямую, то с большим уважением относился к оружию, несмотря на свою национальную принадлежность. Инструкцию он понял не потому, что она была толково написана, а потому, что сам собирал в своей жизни

механизмы и посложнее. Однако, как подступиться к переводу Малыш не представлял: все эти пружины с курками имели совершенно иные названия в техническом английском. Здесь нужен был какой-нибудь Левша из Спрингфилда.

Райка тихо проснулась и, не мигая, тоже читала инструкцию, потом потянулась и спросила: «Ты думаешь они кто?»

– Я думаю, что они продавцы оружия. На планете полно мест, где русское оружие одним путем или другим перешло в американские руки. Наверняка нашлись контракторы, которые предложили откупить его у государства, как металлолом с приплатой в нужные руки, а сами печатают к нему инструкции на языках потенциальных покупателей и продают его различным борцам за свободу или меняют на необработанные алмазы.

Райка молчала на такое соображение пару минут, но потом сказала, что версия очень правдива потому что фантастогорична, что когда он, Малыш, станет зрелым и известным писателем, лет через 30, он сможет написать захватывающий детектив на эту тему.

Малыш не любил читать детективов, но Райкина идея про будущее писательство засела в его башке.

Райка смотрела на текст и говорила, что эта овчинка явно выделки не стоит – если они и в самом деле связаны с торговцами смерти, значит у них на хвосте крепко и давно «сидят», кто надо. Если он, Малыш, попадет в зону наблюдения, то это может ему испортить всю оставшуюся жизнь.

Малыш, видимо, расстраивался на глазах, так что Райка сказала, что поинтересуется преподавательской работой для него на кафедре в их универе.

Дома, за импровизированным обедом, остатками вчерашней пасты, они поговорили еще немного. Малыш слушал Райку и не возражал, на ее: «Не думай ни о чем, спи до полудня, читай Лимонова и Алешковского и больше смотри телевизор».

Внешне это был отличный план, но внутренне, Малыш знал себя – он завоюет через день и запросится.

Райка поняла его молчание, как протест ее предложению и сказала, что может брать его в универ не ее лекции. Если простого телевизора ему мало, то у нее есть видеоманитофон, правда, он еще не распакован. Можно рентовать ленты с фильмами. Ведь он же любит американское кино. Малыш слышал про такое техническое достижение, но никогда не видел бытовых образцов. Ему было видно, что Райка серьезно думает, как бы он не помер от тоски или не приобрел новых дурных привычек на почве безделья.

Тем же вечером они подключили видик к телевизору и рентовали кино «Планета обезьян». Малышу может быть и было интересно смотреть на такое вначале, но на весь фильм его не хватило. Он ткнулся носом в Райкино плечо и сказал, что идет в койку от усталости.

Озабоченная Райка досмотрела фильм и пошла на кухню мыть посуду. Хилари курила у окна и спросила ее про Малыша. Райка рассказала ей в общих фразах об их делах и подумала, что Малыш не будет так уж скучать дома без нее, потому что Хилари почти что всегда дома и может составить ему компанию.

Глава девятая

Следующих несколько дней Малыш пожил полу отпускной жизнью: из-за разницы во времени с Европой они просыпались среди темной ночи, неистово любили и засыпали до восьми утра. Малыш выползал на кухню в Райкиной пижамке с застиранными принтами Барби образца 1970 годов и начинал стучать сковородками. Он включал радио и слушал непонятную радость и оптимизм утренних комментаторов. Завтраки их были просты и несовершенны. Малыш бросал в тостер какое-то печево с малиновой начинкой, варил кофе и стругал свежие фрукты во французскую простоквашу под названием La yogurt. Иногда он ей жарил тонкие ломтики бекона, исключительно для запаха и настроения. Райка быстро привыкла к его вниманию, съедала все до крошки и медленно тянула кофе. Малыш не ел ничего. Он сидел счастливый, как когда-то его бабушка при подобных okazиях, и просто наблюдал. Если радио гремело слишком громко, то на кухне появлялась Хилари. Она рухала на свободный стул и говорила, что от звука и запаха она теперь не может спать по утрам. Райка допивала свой кофе, брала свой ранец и шла к дверям. Малыш следовал за ней. Она целовала его в распахнутую на груди пижаму, говорила «Have a nice day» и гладила по хлопчатому бедру.

Малыш уходил в комнату и валялся на кровать. Белье пахло Райкой и событиями минувшей ночи. Он включал телевизор, смотрел в него через плечо, срывая простыни и наволочки для стирки. По телевизору в отличие от радио все новости были пессимистичны: суровый голос за экраном сопровождал картины сожженных домов, разбитых автомобилей и накрытых во всю длину застреленных людей. Все это произошло минувшей ночью. Малыш замирал на пару мгновений, но потом отсчитывал деньги для прачечной и одевал дневную одежду. Пока белье стиралось в подвальной прачечной, он поднимался в квартиру и завтракал. Себя Малыш не баловал никогда: пара ломтиков хлеба с сыром и чашка чая.

Каждый день первой недели он уходил на прогулку по городу в различном от предыдущего дня направлении. Чтобы не выглядеть абсолютным зевакой и потенциальной жертвой для ограбления ему пришлось модернизировать походку. Хотя у него и не было конечной точки прогулки, он двигался решительно и не медленнее других пешеходов. Смотреть по сторонам удавалось только на светофорах, когда и все остальные пешеходы никуда не двигались. У него была маленькая, но довольно подробная карта города, которой он временами пользовался, а дома закрашивал розовым маркером пройденное за день.

По дороге домой он заходил в продуктовый магазин или лавку – в зависимости от необходимости, и покупал там продукты. Но кроме покупок Малыш старательно смотрел и думал, что запоминал названия одного или другого.

Вопрос пива по-прежнему стоял у него во главе списка. Однажды он увидел как двое черных покупали напиток Colt 45 и решил по их внешности, что это должно быть пиво. Малыш купил бутылку такого же и был удивлен его дешевизне и поджатым губам продавщицы. Позже в квартире Хилари объяснила ему, что такое пиво пьют только черные, потому что оно низкого качества и вкуса мочи. Малыш попробовал и согласился.

Райка приходила домой около двух часов дня. Они ели какой-нибудь легкий ланч и уезжали на ее машине в различные места, которые она выбирала. Отъехав подальше от центра Малыш садился за руль и колесил по улицам довольно уверенно. Райка рассказывала ему всякое про универ. Однажды он заметил, что ее русский стал невыносимо хорош. Она поняла его правильно – они теперь старались говорить по-английски. Ей приходилось многое повторять, а иногда и помогать руками. Малыш только тогда и осознал, что к языкам он не расположен больше, чем другие. Хотя первоначально был о себе высокого мнения. Хилари, с другой стороны, не говорила по-русски, но любила общаться. Иногда она переходила границу дозволенной скорости разговора, и Малыш показывал ей, что он отключен. Работы в универе для него

не нашлось, да он особенно и не расстраивался, потому что каникулы должны были начаться с середины мая. Райка еще не знала, будут ли у нее летние классы или нет. Пока что они планировали уехать из города до конца лета. Она рассказала ему одним вечером про разговор с дедом Нилом. Тот был по-настоящему расстроен, что Малыш не собирается идти работать в семейный бизнес.

А когда она сказала деду, что они с Малышом уезжают до конца лета расстроился еще больше и повесил трубку. Малыш понимал, что поставил Райку в неудобное положение, но нашел себе оправдание: она сама согласилась на замужество с ним со всеми исходящими оттуда последствиями.

Малыш по-прежнему много готовил и делал всякие не мужские дела по дому: в конце концов он был дипломированным мужем, прошедшим усиленный курс у Сверхкондиционной. Для Малыша не существовало женских дел или мужских. Иногда Хилари и Райка замирали, когда он мастерил замысловатые салаты без рецептов, добавляя не мереное количество неизвестных им специй.

В конце первой недели Малыш позвонил мисс Луцки из телефона-автомата и сказал, что перевод у него готов, но он хотел бы встретиться с ней не в офисе, а в читальном зале публичной библиотеки, что напротив их здания. Он сказал ей все это по-русски. После продолжительного молчания Малыш услышал ее «когда» и назначил время.

Глава десятая

Райки не было дома. Он оставил ей записку, что уехал в Нью-Йорк и придет вечером. Они так никогда и не вернулись к разговору об инструкциях чистки русского оружия, поэтому Малыш не описывал цель своей поездки.

Когда он вошел в читальный зал публички, то сразу заметил мисс Луцки. Она сидела недалеко от входа и рассматривала журнал мод. Малыш узнал ее по прическе. Такие, по его мнению, носили сельские учительницы и провинциальные драматические актриссы в начале века. Он подошел к ее столику и сел на свободный стул. Мисс Луцки прошептала ему приветствие, не поднимая головы от журнала. Малыш рассказал ей о своих опасениях по поводу работы в их издательстве и с надеждой в голосе спросил: «Это не так?»

Мисс Луцки побледнела и ответила, что ничего не знает толком, потому что работает там всего второй месяц, продолжая, что если он, Малыш, не собирается работать с ними, то тогда зачем они сегодня секретно встречаются.

Малыш не спешил с ответом. Главным образом, потому, что не знал этого и сам.

– Я думаю, что все вы знаете: в такую точку не посадят человека с улицы. Мне было интересно посмотреть на вашу реакцию, когда кто-то посторонний узнает вашу тайну.

Мисс Луцки подняла голову. Ее лицо теперь было пурпурно красным. Она слабо отвечала: «Вы просто негодай.»

Малыш театрально ответил: «Зачем вы так? Ведь я хочу вам только добра.»

Мисс Луцки неслась к выходу как шхуна, поймавшая ветер сразу всеми парусами.

Малыш не торопился уходить. Он подошел к столам, на которых лежали сегодняшние газеты всех стран мира. Среди прочих лежала и питерская «Смена» Малыш ходил из отдела в отдел пока не набрел на стеллажи с русскоязычной литературой. Большинство книг было не советских изданий. Среди русской периодики Малыш выбрал журнал под названием «Филин» с артисткой Соловей на обложке, открыл его наобум и прочитал название статьи «Анальный секс: мифы и правда». Текст в статье был явно переводным из какого-нибудь иностранного женского журнала. Перевод был скучным и неудачно-подстрочным. Журнал издавали в Берлине.

На улице уже смеркалось, когда Малыш вышел из библиотеки. Он решил пройти по диагонали через Брайнт парк на 42 улицу и посмотреть хоть краем глаза на вечернюю жизнь блудливого города. На скамейках сидели группы людей и курили траву. Весь парк благоухал марихуаной. Малыш заулыбался неизвестно чему. На перекрестке аллей к нему подошла тень и предложила купить косяк. Он только затряс головой и бодро шел к выходу из парка.

42 улица в районе 5 Авеню выглядела абсолютно так же как и в передаче «Клуб кинопутешествий» с ведущим Сенкевичем: маленькие порно шопы с яркой, но безвкусной световой рекламой, павильончики с кабинками для подсматривания за 25 центов и пункты проката порно фильмов. Кроме того перед магазинами прогуливались женщины-проститутки, и в стороне от них толкались их агенты-пимпы. И те и другие были одеты, как опереточные актеры – ярко и броско. На Малыше был замшевый пиджак, купленный у польской торговки по случаю в Каунасе. Замшевым его можно было назвать только нарицательно, потому что он скорее был похож на жесткий футляр, мудрено скроенный из чьей-то одной самостоятельной шкуры. Таких пиджаков на 42 улице еще никто не видел, и поэтому Малышу оказано было особое внимание. Но не проститутками, а их пимпами. Один из них очень дружелюбно взял Малыша под локоть и предложил ему не «уличный товар», а кое-что получше. Малыш ему понимающе улыбнулся и сказал, что спешит на автобус в Филадельфию. Пипм не отставал, а начал спрашивать про Филадельфию, мол что у него там за дела. Малыш по сути дела первый раз в жизни столкнулся с реальным уличным человеком и не мог так просто и невежливо прервать

разговор. К тому же он почти что принимал интерес пимпа за чистую монету и отвечал, что у него там молодая жена, которая наверняка уже заждалась его. Навряд ли пипм был достойным семьянином, но чистосердечность слов и помыслов Малыша понял на раз и сказал, что у него в Филях тоже есть жена, но иронией судьбы и натуры его деятельности они разделены и видятся только 2 раза в месяц. Малыш понимающе покачал головой, а пипм продолжал, что если уж счастливый случай свел их так неожиданно, то не сделает Малыш ли для него, пимпа, маленькую и вовсе не бесплатную услугу – передаст любимой пимповой жене белье для стирки в Филадельфии. Малыш нерешительно раскачивал головой, а пипм нежно настаивал: «Тебе ничего не надо делать: войдешь в автобус, поставишь мешок с грязным бельем рядом с автобусным ведром для отходов и забудь обо всем до конечной остановки. Моя жена тебя встретит и отблагодарит вдвойне». При этих словах он буквально впихнул в Малышову руку \$50.

Теперь уже Малышу было отказаться невозможно. Пока он глотал неизвестно откуда взявшуюся слюну, появился злосчастный мешок с нечистым пимповым бельем. От мешка серьезно пахло, и Малыш подумал, как это такой элегантный мужчина может так занасивать одежду – эх нет на него Сверхкондиционной.

В автобус Малыш сел одним из первых. Он сразу определил мешок на нужное место и сел по диагонали у окна. 50 долларов не выглядели фальшивыми в автобусном полумраке. Малыш решил не думать о пимпе хотя бы на короткое время, а подумал про насыщенность его американской жизни: он не прожил в штатах еще и неделю, а успел и перепробовал так много. А ведь он еще даже и не работает, не говоря уже о гражданстве. Прямо хоть рассказ пиши. Здесь мысль его перенеслась на людей, которые писали рассказы частично и полностью основанные на опыте собственной жизни. Это были Миша Веллер и Джек Лондон.

Постепенно автобус заполнился людьми. Рядом с Малышом села женщина с маленькой собакой в сумке. Собака подозрительно выглядывала наружу, а ее хозяйка уверяла Малыша, что собака не кусается, чтобы он не волновался. Но Малыш волновался вовсе не об укусах собаки, а о запахе из мешка. Собака и в самом деле водила носом. Хозяйка дала ей немного сухого корма, и та затихла.

Автобус был экспрессом и не должен был делать никаких остановок до самой Филадельфии. Малыш подумал, что сейчас они переедут под рекой, и он сможет вздремнуть. Однако при выезде из туннеля автобус остановился. Водитель разговаривал с кем-то через открытое окно. В конце концов двери зашипели и открылись. В автобус вошли двое полицейских. Женщина с собакой почему-то напряглась и вдруг спросила Малыша – мог бы он подержать ее собаку – у нее сильно схватило живот. И не дожидаясь ответа поставила сумку на Малышвы колени, а сама спустилась в туалет под лестницей. Полицейские медленно шли к концу автобуса. Она рассматривали багаж и лица пассажиров. Малыш почувствовал собачий мокрый нос и робкий шершавый язык на своей руке и по-русски сказал: «Хорошая собака, хорошая собака». Полицейские говорили друг с другом и кроме того получали какие-то инструкции, как с Марса, через свои ультракоротковолновые радио.

Чтобы не паялься на полицейских Малыш заговорил с собакой. Он сказал ей, что как только они приедут домой, собака получит двойную порцию своих вкусных сухариков в награду за примерное поведение в общественном транспорте.

Один из полицейских подергал закрытую дверь туалета, но ничего не сказал. Другой полицейский наклонился над автобусным ведром, но сразу отшатнулся и поспешил к выходу. В конце концов автобус тронулся. Женщина вышла из туалета и забрала свою собаку с Малышвых колен.

До Филадельфии они добрались вовремя – водитель автобуса нагнал потерянное время.

Как только Малыш вышел с мешком из автобуса, к нему подошла черная женщина исключительной красоты, ткнула носом к нему в щеку и взяла его под руку. Малыш следовал всем ее незримым сигналам: они медленно пошли в сторону центра города. Женщина молчала.

Пройдя два блока они остановились около шикарной машины. Она спросила мужским голосом, куда его подвезти, а в машине отдала ему \$100, и они поехали.

Райка и Хилари сидели на кухне, когда он открыл входную дверь своим ключом.

Райка вскочила, как ужаленная, и бросилась с объятиями к нему на грудь как-будто он вернулся не из Нью Йорка, а с Вьетнамской войны или из плена. Малышу показалось, что она плакала.

Потом она делала ему какой-то многоярусный сэндвич и ругала за самоволку.

Малыш налил себе вина из уже уполовининой бутылки и достал из кармана \$150.

Хилари стояла в своей дежурной позе у окна, как памятник конспиратору, и курила.

Увидев деньги, она взяла 100-долларовую купюру с лысым Бенжиамином Франклином на одной стороне и сказала в сторону Райки: «Каждая женщина любит 6 дюймов с большой головкой».

Малыш ел и пил, а девушки смотрели на него в ожидании рассказа. После стакана красного он почувствовал себя достаточно расслабленным, чтобы составить рассказ по-английски. Было видно, что Райка понимает его лучше, чем Хилари.

Ее руки впились друг в друга, как при просмотре остросюжетного кино.

Когда он закончил свою историю и взялся за недопитый стакан, Хилари посмотрела на Райку, и та начала тараторить, как из пулемета, его рассказ по-английски. Хилари осела на стул и безудержно хохотала, время от времени хлопая ладонью по столу. Малыш был озадачен – он не рассказал ничего смешного. Сразу вспомнил своего мальчика-с-пальчика, от которого смеялась Райка. Должно быть что-то серьезно неправильно с ним, если его действия вызывают такие противоречивые от задуманного реакции. Может быть, он не готов к жизни в штатах. Хилари встала со стула и подошла к нему. Она смотрела сверху на Малышovu растрепанную от путешествий голову и не удержалась – запустила в нее рука и сказала: «you are real no-goodnik», что значило – ты настоящий негодник.

Райка сказала, что она измождена и хочет идти спать. Малыш не любил уходить на отдых, пока алкогольное опьянение не оставляло его тело и разум около полосы получения удовольствия от выпитого – он вовсе не был готов ко сну и сказал об этом. Райка заныла, что после всей этой встряски она не заснет одна. Малыш не обратил на это внимания и сказал, что в штатах заработать деньги можно легче, чем он думал раньше: живи он здесь изначально, то никогда бы не был инженером, а лучше бы работал на радио по утрам, а потом бы целый день был свободен.

Райка почти синхронно переводила его слова для Хилари. Они обе теперь ждали, что он скажет еще. Малыш продолжал: «Страна неограниченных возможностей: в центре города переводят инструкции к использованию легкого стрелкового оружия для его дальнейшей продажи, в 2 шагах от публичной библиотеки можно купить любую дурь для головы и радость для плоти. Людям здесь просто и не стоит работать постоянно, когда существуют постоянно-переменные способы добычи денег. Поэтому официальная безработица так высока.»

Было видно, что Райка расстроилась от услышанного хотя и понимала, что Малыш немного пьян и был напуган историей с пимпом, несмотря на то, что все обошлось.

Чтобы пригасить его энтузиазм на счет легких заработков, она спросила: «Тебя тот трансвестит, надеюсь, не довез до самого дома. Потому что если до самого дома довез, то они тебя вполне в оборот могут взять. И будешь, глупый ты Малыш, возить им вонючее белье в стирку и из стирки, пока полиция не нарушит ваше сотрудничество.»

Малыш знал, что это может произойти и сам, но гнал от себя такую мысль, потому что так рассуждать он научился от Сверхкондиционной. Мысли такие вязали его всю их совместную жизнь и не давали парить. Оказывается, Райка была ее тенью. Ему сразу же стало грустно и трезво. Пришла усталость от замороченного дня, и он пошел чистить зубы.

Малыш проснулся от дыхания в спину и еще чего-то дотоле незнакомого. Райка нависла над ним, спящим, как скала, и ее слезы сбегали со щек Малышу на лопатки. Но Малыш понял это позже, когда Райка нежно перевернула его на спину и коснулась теплой грудью. Он не был сердит за прерванный сон, но не хотел вести и душеспасительные разговоры – думал, что уехал от них по крайней мере на пол года. Райка просила его, чтобы он потерпел еще три недельки, пока у нее не кончатся занятия в универе. Чтобы он не предпринимал ничего радикального в смысле поисков работы или новых друзей без нее. Малыш возразил ей полшутя, если бы его захомутали, то с американским судопроизводством он бы здесь задержался не на полгода, а на подольше. Райка отвечала ему в тон, что она с ним бы мгновенно развелась – у них есть такое положение: на другой день после его ареста он стал бы ей никто, но ему нечего на этот счет волноваться: в общей камере он сам бы стал женой ни одного человека, а целого товарищества.

Малыш оценил шутку, но прочитал и между строк про суровую правду жизни. Он обнял ее и стал уговаривать не бросать его на произвол судьбы в чужой стране, давал ей клятвенные заверения, пересыпанные диковинными ее ушам словами, о своем полном подчинении ее воле. Но не дольше, чем на три недели.

Она улыбалась в темноте и предложила поспать, потому что уже была глубокая ночь, и ей скоро вставать.

Глава одиннадцатая

Наступившим утром Малыш проспал Райкин уход на работу, сделал себе умственное замечание, перевернулся на другой бок и заснул опять.

Он проснулся от женского крика за дверями и подумал сначала, что все это еще сон, но только другая его фаза. Но это был не сон. За дверями кричала Хилари. Малыш это понял, когда вышел на кухню и увидел ее с не зажженной сигаретой в руке. Она выглядела счастливой. Малыш развел руками – что случилось. Хилари сказала, что ей только что позвонили и предложили работу в фармацевтической компании.

Малыш в те годы еще не знал, что такое искать и получать работу в американских организациях. Его предыдущий опыт с работами был довольно прост и ограничен в одно и то же время: тебя знакомят с правильным человеком, ты ему платишь, а он тебе находит трудоустройство. Совсем необязательно, что тебе там будут платить хорошие бабки, но и судить строго не будут, если ты не всегда на своем рабочем месте. Устроить на работу и зарабатывать деньги были для Малыша два разных понятия, необязательно сопутствующих одно другому.

По лицу Хилари он понял, что ей надо прямо сейчас все это кому-то рассказать. Малыш запахнул Райкин халат и сделал нетерпеливое лицо. Хилари рассказала, что с начала поисков, начала февраля, она отправила около 150 резюме. Казалось бы, что может быть проще, доктор наук с пол дюжины печатных работ захотел применить свои академические и не только знания для блага человечества. Но не тут то было. Ей даже редко кто отвечал. Должно быть все считали, что если человек молод и достиг чего-то в жизни, то он не может быть в поисках работы.

Те, кто отвечали, сразу заявляли, что она им не слишком нужна со всеми ее квалификациями и степенями – им нужна простая лаборантка с потенциалом роста в непростую, а старшую. Хилари никогда раньше не говорила ничего подобного Малышу конкретно или даже в его присутствии. Интересно заметить, что он понял все сказанное и был немало от этого удивлен.

Предложение поступило по телефону. Позвонил какой-то большой босс и предложил ей место в своей лаборатории – у них там кто-то умер своей смертью. Она проходила у них интервью три недели назад, но ей не пообещали ничего конкретного – видно умерший сотрудник все еще жил тогда. Теперь ей надо переезжать в Нью Джерси, чтобы не терять на дорогу на работу много времени.

Малыш по наивности спросил, сколько же ей пообещали платить. Когда она ответила, то Малыш понял, что такому не мудрено так радоваться: за столько денег в год можно было купить все. Ему пришлось даже запахнуть опять полы халата, потому что ноги раздвинулись сами.

Несколько дней Малыш честно не предпринимал ничего опасного. Он читал утреннюю газету, смотрел телевизор, готовил еду и читал Аксенова. Хилари больше не сидела дома бесцельно: она упаковывала свои вещи и книги. И того и другого у нее были горы. Малыш ей помогал кое с чем и однажды даже поймал ее на руки, когда она сорвалась с подоконника вместе с занавеской. Он подумал тогда про Райку, что хорошо, что ее не было дома, и она не видела его галантности. Хилари, впрочем, не очень удивилась или поспешила сойти с «наручек» на пол, как будто ее так ловили всю жизнь по средам и пятницам. Малыш помнил про обещание Райке – Хилари на руках относилась к категории «опасное».

Глава двенадцатая

В конце второй недели кто-то неожиданно позвонил днем в дверь домофона.

Малыш не спешил с ответом, думал, что детишки шалят. Но звонок повторился. Оказалось, что дедушка Нил приехал навестить его и поговорить без Райкиного присутствия. Малыш был не готов к разговору, но гостя надо было принимать. Если бы он знал, что несколько лет спустя знакомство с таким человеком как Нил, могло бы изменить весь курс его жизни. Но он не знал и знать этого не мог.

Нил сказал, что он не прочь выпить чашечку чаю с чем-нибудь на предложение Малыша. Пока чай заваривался в гигантском чайнике с петухами, они сидели напротив друг друга и молчали. Наконец Нил заговорил. Он начал издавека – про мужчин его семьи: как одни из них были трудолюбивыми добытчиками, в то время когда другие были гуляками, бабниками и гемблерами. Малыш решил его не перебивать-все-таки тот был дедушкой, а у него самого живых дедушек никогда не было. То есть, они были в свое время живыми, но в их до Малышовый период.

Дедушка Нил ему был симпатичен. Он подумал, что будь у него такой живой, как у Райки, то он бы точно не стал инженером, а скорее стал бы как другие мужчины-родственники: гулякой, бабником и гемблером. Про последнее слово он не был уверен, потому что не знал, что оно значит, но догадывался, что от этого скорее лечатся, чем на это учатся.

Чтобы дедушка Нил почувствовал присутствие русского духа в доме, Малыш заварил двойную порцию номер 58, привезенного в подарочных брикетах.

К этому моменту Нил рассказал закончил вступительную часть и спросил, все ли Малыш понял. Малыш сказал, что понял достаточно для двух недель жизни в штатах. Дедушка улыбнулся на это, но со стороны было похоже, что он переносит приступ боли. Малыш спросил его, что значит слово гемблер – может быть он уже это и есть, но себя еще просто не проявил. Дедушкина гримаса улыбки усугубилась, и он сказал по-русски: «У меня нет сейчас времени такое объяснять, я тебе говорю. Это значит заниматься карточной игрой и рулеткой в игорных домах».

Малыш не знал еще толком, подвержен он этому недугу или нет. Ему приходилось играть в рулетку в одном доме в Питере. Он даже систему какую-то составил, чтобы не проигратся вдрызг, но так никогда ее и не применил, потому что в тот раз он все выигрывал да выигрывал.

Малыш видел, что дедушка Нил ждет продолжения разговора и решил спросить про лошадей и ипподромное дело. Дедушка насупился и неохотно отвечал, что это еще хуже, чем игорные дома, потому что там сплошное жульничество – все откуплено и поделено между мафией и «старыми деньгами».

Малыш не решился спрашивать про собачьи бега и петушиные бои, а сказал, что он понимает дедову заботу о нем и очень ему признателен за это, но в настоящее время, он еще не может сделать свой выбор –чем ему в этой жизни заниматься, тем более, что они собираются уехать путешествовать летом.

Нил задвигал полупустой чашкой: «Зачем вам уезжать куда-то, зачем вам? Здесь достаточно есть хороших мест и озера... Раечка и без тебя всю жизнь повсюду ездит, так теперь, когда привезла себе сокровище, чего ей опять ездить?»

Такой подход к поездкам Райки Малышу был не знаком, но он решил об этом подумать позже.

Нил понял, что ничего толком он здесь не добьется, и резко собрался уходить. Он отодвинул недопитый чай и розетку с гречичным медом в сторону.

Чтобы смягчить обстановку Малыш решил осведомиться о здоровье Райкиной бабушки и нечаянно назвал ее наной. Нил сурово ответил, что она ему не нана, а Зелда и со здоровьем у нее хорошо – «...что с ней делается?»

После ухода Нила Малыш допивал свой чай и думал про Райкины поездки по всему миру: неужели и в самом деле она ездила с целью найти себе мужа. А чтобы все это выглядело пристойно, выбрала себе крышу: учебу в разных точках планеты. Только из ее рассказов Малыш знал, что она училась несколько семестров в Англии и Франции. В Италии она проучилась целый год – брала историю ренессанса. Малыш соотносил ее учебу с толщиной ее записной книжки: у нее масса знакомых по всему миру. Он помнил, что они зашли в пару издательств, и там ее знают. И из всего этого сонма она выбрала его. И на таких рабских для самой условиях.

Малышу вдруг стало жарко. Он знал свои сильные стороны и другие, которые не очень. Он нравился людям при встречах с детско-садовского возраста, но надолго харизмы не хватало, потому что он никогда не ставил себе задачей продолжать нравиться, а был Малыш самим собой: ерником и просмешником ко всему окружающему.

Райка не знала его таким, потому что с ней он всегда был «на задании». Впрочем не всегда: после женитьбы он стал самим собой, и если изменился в лучшую сторону, то не из-за нее, а потому что вся жизнь его изменилась. Приблизительно такие думы бороздили его сознание, и вдруг в конце сверкнуло: «Значит я для нее самый лучший». Он подумал про Свехкондиционную, и как та терпит его уже столько лет. Вообще-то он знал, что она вовсе не терпит, она управляет и контролирует им значительно глубже, чем это заметно невооруженным глазом. Его жизнь полностью была построена и подчинена ее желаниям, понятиям и привычкам. К счастью для всех, она была неплохим человеком, и все поэтому выглядело нормально. Даже в своих полудиких играх, не свойственных женатым мужчинам, он все равно был укрощен и подчинен ей. Малыш вспомнил ее слезы над толстым конвертом с деньгами и подумал, что слезы ее могли выражать вовсе не то, что он подумал тогда, а ее сожаление о возможной потере его: она извела столько жизненных усилий чтобы довести его до нужного ей состояния, и вдруг он уходит, и ей опять придется копать в говорящих поленьях в поисках нового буратино. Ее полугодовой опыт примерок с его друзьями только подтвердил, что не так просто быть самой воспитательницей – нужно еще иметь подходящий материал для воспитания, а его друзья оказались для нее говорящими чурками.

Малыш вспомнил, как Райка впиалась в его пуговицу на рубашке много месяцев назад и подумал, что очаровывать людей – черта скорее не уверенных в себе, чем уверенных. Уверенным не нужны никакие подтверждения, и тем более с незнакомками. Размышление об уверенности нарушил приход Хилари. Она должна была начать работать через неделю и каждый день моталась теперь в Нью Джерси в поисках жилья. Кроме того ей срочно нужно было покупать автомобиль для местных поездок в маленьком городке.

Малыш сидел перед накрытым для дедушки Нила столом на солнечной кухне. Он подумал, что со знакомыми людьми он скорее уверенный, например, поймал Хилари на руки.

Она заглянула на кухню и жалобно спросила, есть ли что-нибудь поесть. Было далеко за полдень, и Райка должна была появиться с минуты на минуту. Малыш указал руками на остатки пирога и чайник с петухами.

Хилари, не заходя к себе в комнату, уселась на кухне и начала тараторить про цены на жилье и неоновые машины. Малыш слушал ее исключительно из вежливости, потому что не предполагал тогда, что довольно скоро именно эти две позиции будут для него самыми актуальными.

Появилась Райка и сказала, что чая она пить не будет, а хочет еды, которой хочется после работы. Малыш достал из холодильника кастрюлю с овощным стю и банку сметаны. За две недели девушки почти что привыкли к его кулинарным эскападам, ели все благодарно, без выгибов. Однако применение сметаны, как одного из ингредиентов, в индустриальных коли-

чествах, было для них точкой преткновения: обе боялись поносов или набрать вес. Малыш над ними смеялся и говорил, что у американцев с едой крайности: или понос или набор веса – золотой середины быть не может.

Пока Малыш разогревал стю, Райка просматривала полученную почту. Среди гор безличной макулатуры было и письмо для Малыша из детского издательства. Хилари смотрела на Райку, когда та быстро пробежала по одинокой страничке. Письмо, как и предполагалось, было вежливым отказом с заверениями в их полном к нему почтении и обещанием, что как только у них появится необходимость в переводе, они мгновенно с ним свяжутся..

Малыш не чувствовал себя ущемленным: переводы сказок от него никуда не убегут. К тому же внутренне он уже был готов к большому путешествию по штатам. Райка сказала, что они поедут сначала на Юг, а потом на Запад, что у нее нет много средств, поэтому он поедет на машине и будут останавливаться в маленьких местечках типа, как в Хелсинки. Малыш тогда находился в полусонном состоянии после предутренней нежности. Под эти слова и забылся сном, но сейчас вдруг вспомнил. Это было сказано три дня назад.

Девушки кушали стю желтоватыми серебряными ложками, которые Малыш подарил Райке в Питере после записи их гражданского состояния. Она тогда очень смеялась и сказала, что лучшего подарка она в своей жизни не получала. Ложки были купеческого образца с витиевато-переплетенными Р и С на черенках. Малыш владел этими ложками со времен первого знакомства с Федором и очень дорожил ими и решил, что будет неплохо не расставаться с ними на времена чужбины и подарить их молодой жене. Райка провезла их за рубеж среди своих гигиенических причандалов.

За их первой трапезой с этими ложками Райка рассказала, что в штатах дарят серебряные ложки деткам на праздник Первого зуба и наркоманам-кокаинщикам, чтобы те знали меру. Ложки суповых размеров только по карману наркобаронам и звездам рок-анд-ролла.

Малыш думал, что во время поездки им придется проводить много времени вместе, что они уже сейчас больше, чем друзья, и близость между ними натурально будет расти. Он не знал, как контролировать этот рост, и вправе ли он такое делать. Эта дума не покидала его. Он мысленно расписывал длинные колонки вариантов из возможностей, но все они были довольно шаткими и разбивались об реальную действительность их взаимно приятной близости по многим параметрам. Вчера поздно вечером он звонил в Питер. Разговор получился коротким, потому что Сверхкондиционная должна была куда-то срочно идти. Малыша это очень задело: он звонил во время, когда она уже не спит, но еще и не занимается ничем по-серьезному. Наверняка это была спешка не по работе, да и работала ли она вообще?

Он подумал, что она не одна дома и не хотела бы, чтобы третье лицо слышало их разговор. Она только успела сказать, что сын скучает. Малыш был расстроен, но понимал, что большие дела могут сопровождаться большими неудобствами и потерями.

Девушки закончили есть стю и сидели в ожидании прихода состояния сытости. Малыш, как услужливый половой, подхватил их пустые тарелки, заменив их на формальные салатные, сделанные из пресованого красного стекла. Второго блюда он обычно не готовил, а делал салаты с кус-кусом или крутонами, холодным куриным мясом или осетриной, с орешками пиноли и какой-нибудь сушеной мелкой ягодой. Салаты он не заправлял а выставял батарею бутылочек с дрессингами, оливковое масло, уксус и лимон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.